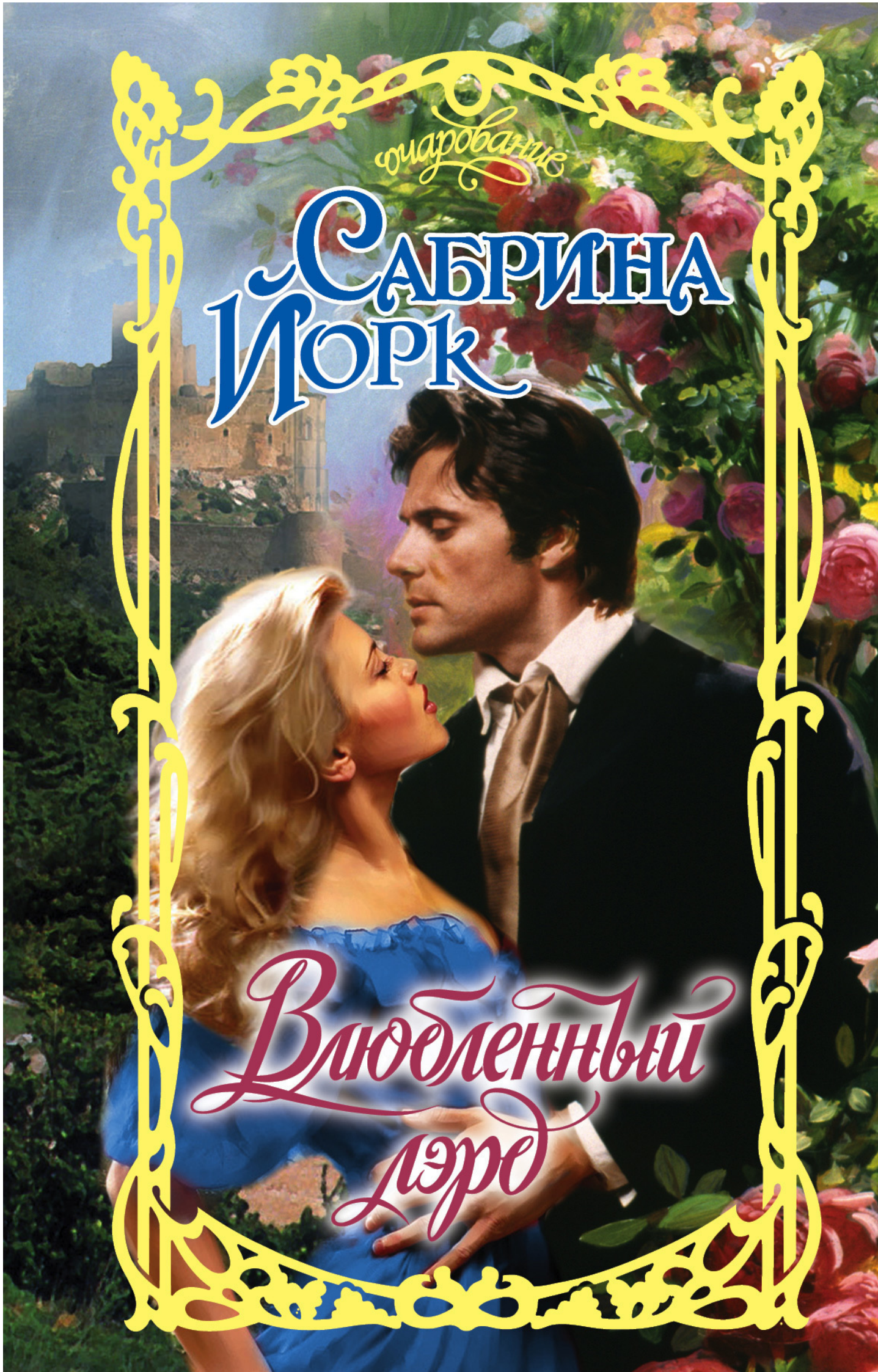

очарование

САБРИНА ИОРК

*Влюбленный
лэрд*

Очарование (АСТ)

Сабрина Йорк
Влюбленный лэрд

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Йорк С.

Влюбленный лэрд / С. Йорк — «АСТ», 2016 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-104006-2

Лахлан Синклер уверен: ему предстоит стать следующей жертвой семейного проклятия, несущего гибель каждому старшему сыну в его роду в возрасте тридцати лет... А до тридцатилетия лэрду осталось полгода. Казалось бы, помощи ждать неоткуда, ибо жертве проклятия не в силах помочь ни меч, ни молитва. Однако неожиданно он встречается в уединенном поместье в глухом Шотландском Нагорье прелестную Лану Даунрей – девушку, которая, по слухам, обладает «вторым зрением», как кельты издавна именуют дар ясновидения. Девушку, которой предсказано в видениях, что именно ей предназначено судьбой отвести от Лахлана погибель и получить в награду его любовь, руку и сердце...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104006-2

© Йорк С., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сабрина Йорк Влюбленный лэрд

Глава 1

Июль 1813 года

Акерджил, Кейтнесс, Шотландия

Среди ночи его разбудил знакомый, леденящий сердце голос. Лахлан Синклер задрожал, но не от холода, а от ужаса. Волосы на его голове встали дыбом, в висках быстро-быстро застучало, а на лбу выступил пот. Он замер, мысленно запрещая себе прятаться с головой под одеялом. Легче от этого не станет – это уже было не раз проверено на опыте.

– Лахлан-н, – завывал голос под позвякивание цепей. – Лахлан-н.

Казалось, завывания заполнили всю комнату. От неумолкаемых заунывных стенаний дыхание перехватило. Лахлан попытался прогнать наваждение прочь, но тяжелый давящий сон не желал отступать, а просыпаться не хотелось, тем более учитывая, что он знал, что его ждет.

Усилием воли он открыл глаза. Он видел это много-много раз, но привыкнуть к такому зрелищу было невозможно. Страх парализовал его. Лахлан сжался и замер.

Склонившись над его кроватью, стоял мертвенно-бледный призрак с зияющими пустотой глазницами. Взлохмаченные волосы, оборванная одежда и позвякивающие цепи вызывали ужас. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, несмотря на всю свою внушительность, освещенный тусклым светом ночника призрак мерцал и колебался.

Они были очень похожи. На Лахлана словно из зеркала смотрело его отражение – только сильно изнуренное, бледное, с резкими морщинами.

Это был его отец – Уильям Синклер.

Во всяком случае, то, что от него осталось.

– Лахлан, спаси меня!

Приказ прозвучал как-то жалко. Тяжкое бремя – спасти бессмертные души своих предков, но именно такой удел выпал на долю Лахлана. Это его изводило, но, увы, только он один мог дать их душам долгожданный покой.

Но для этого надо было совершить настоящий подвиг.

– Умоляю, – взывал призрак, протягивая вперед руки.

Цепи на запястьях зазвенели столь же жалостливо. Но тут призрак испуганно оглянулся назад. Очевидно, его что-то напугало. С жалобным воплем он исчез.

В спальне стало тихо. Лахлан облегченно вздохнул, хотя его по-прежнему была нервная дрожь. И так каждый раз. Им овладевал панический ужас, и ничего нельзя было поделать. Страх побеждал. Хотя здравый смысл твердил, что перед ним всего лишь призрак.

Да, именно призрак или привидение. Но все было намного сложнее.

Привидение напоминало Лахлану о надвигавшемся конце.

Скоро ему будет тридцать, и чем ближе была эта дата, тем чаще возникал перед ним призрак отца, тем настойчивее звучали его мольбы. По-видимому, привидение тоже знало, что времени осталось мало.

Настолько мало, что беззаботный сон казался непростительной роскошью.

Лахлан резко отшвырнул одеяло. Настолько резко, что на какое-то мгновение стены комнаты закружились, но тяжкое сновидение, словно туман застилавшее его сознание, не торопилось отпускать свою жертву.

В Шотландии, где, как он надеялся, все должно было прекратиться, его сновидения стали еще ярче, мучительнее и продолжительнее. Ночные приступы страха были настолько сильными, что он уже не знал, как с ними справляться.

Была глубокая ночь, однако сна как не бывало. Лахлан посмотрел на склянку с настойкой опия. Лондонский врач назначил ему надежное и верное средство для успокоения возбужденных нервов.

Теперь это больше походило на злую шутку или издевательство. Лекарство не уменьшало его страдания, а напротив, увеличивало их. По ночам он буквально трясся от страха.

Лахлан пристально посмотрел на пузырек с опиумом. Ему уже не раз приходила в голову мысль, что в этой склянке скрыто его спасение. Немного смелости и твердости духа: всего несколько глотков, а потом вечный покой. Конец ночным кошмарам. Призрак больше не будет к нему приставить, мучить и изводить своими мольбами.

Искушение, конечно, было очень велико.

Но на столь «отважный» поступок ему просто не хватало духа.

Кроме того, перед смертью ему следовало закончить несколько дел, и их было немало. Он был последним в роду, и чувство долга перед предками обязывало его привести все дела в надлежащий порядок. Во всяком случае, сделать то, что было в его силах.

Он решительно выбросил из головы мысль о настойке опия. Нельзя быть столь малодушным.

«Пусть моя гибель предрешена, но я сам, – поклялся про себя Лахлан, – не стану искать смерти».

Нетвердыми шагами он подошел к шкафу с одеждой. Простые брюки и белая рубашка – то, во что можно было одеться без помощи прислуги – составили его незамысловатый наряд. В столь поздний час немногочисленные все еще остававшиеся в замке слуги крепко спали. Даже если разбудить посреди ночи верного Дугала, служившего Лахлану с незапамятных времен, его вряд ли обрадует столь ранний подъем.

Эти ночные часы принадлежали только ему. Ему одному и никому больше.

С зажженным светильником Лахлан вышел в пустынный зал родового гнезда Синклеров, древние стены которого были в глубоких трещинах, а местами даже осыпались. Из всех щелей тянуло холодом. Лахлан торопливо пересек зал. Он направлялся в картинную галерею, где висели портреты его предков, именно там он коротал ночные часы.

С портретов на него глядели давно умершие представители рода Синклеров. Это были сплошь молодые люди в полном расцвете сил, без единого седого волоса. И неудивительно! После того как любому из Синклеров переваливало за тридцать, они долго на свете не заживались. Лахлан остановился перед крайним, написанным совсем недавно портретом, на котором был изображен его отец, и принялся вглядываться в знакомые черты. Да, именно это лицо являлось перед его мысленным взором каждую ночь. Дольше смотреть на лицо отца было тяжело, и, отведя взор, Лахлан прошел дальше – к неглубокой нише, где скрывался портрет другого Синклера. Этот портрет как будто прятался от людских глаз, и не зря. Забыть о том, что наделял изображенный на нем негодяй, было невозможно, как и простить его.

По возрасту он резко отличался от других Синклеров, это был почти старик – лицо все в морщинах, поседевшие волосы. В отличие от его потомков, барон Росслин дожил до очень почтенного возраста – до шестидесяти пяти.

На нем был наряд, который носили в начале четырнадцатого века. Барон Росслин стоял, гордо выпрямившись, на его губах играла злобная, самодовольная улыбка. Он словно насмеялся над своими потомками. В руках он держал священную реликвию – крест шотландских королей. Крест был сделан из золота и усыпан драгоценными камнями, а также украшен изображением красного оленя, символа клана Синклеров.

По одним сведениям, священный крест привезли из Святой Земли после одного из крестовых походов, по другим – крест принадлежал какой-то колдунье из племени друидов. Как бы там ни было, но обе истории сходились в одном. Согласно преданию, крест символизировал собой сердце Шотландии, и роду Синклеров была доверена высокая честь – хранить его.

К сожалению, как говорилось дальше в предании, Синклеры плохо справились с порученной задачей.

Последним хранителем креста был барон Росслин. Из-за неумолимой жадности он за огромные деньги, а также за право носить титул герцога Кейтнесса продал реликвию злейшему врагу Шотландии – английскому королю Эдварду I.

Росслин даже не задумывался о том, какое страшное проклятие навлечет на его род его поступок. Как ни странно, но его самого проклятие не коснулось. Герцог Кейтнесс прожил долгую и, в общем, счастливую жизнь. Проклятие легло на его сына, а потом на его внуков и правнуков. На всех последующих наследников первого герцога Кейтнесса. Род Синклеров был проклят и останется проклятым до тех пор, пока крест снова не окажется в их руках.

К сожалению, это была невыполнимая задача. Крест невозможно вернуть. Дело в том, что Эдвард I, получивший прозвище Молот Скоттов и стремившийся любой ценой подчинить себе жившие на севере шотландские племена, разбил крест на три части и выбросил их в море.

В то время никто из Синклеров не удосужился прислушаться к бессвязному бормотанию одной жившей в лесу и тоже считавшейся хранительницей креста старухи. Узнав об утрате реликвии, старая колдунья горько заплакала и прокляла Синклеров. Никто не обратил внимание ни на ее проклятие, ни на загадочное исчезновение сокровищ Росслина, которые молва окрестила «тридцатью серебряниками».

О проклятии вспомнили только после того, как второй герцог Кейтнесс, сын Росслина, неожиданно скончался накануне своего тридцатилетия. Затем точно в таком же возрасте умер третий герцог Кейтнесс, а потом четвертый... Тогда смертельно напуганные герцоги Кейтнесс бросились искать утраченную реликвию.

Несмотря на все усилия, найти ничего не удалось, даже самого малюсенького кусочка.

Разве мог здравомыслящий человек всерьез воспринимать проклятие?! Поэтому поначалу Лахлан лишь усмехался. Но только до поры до времени. Полная забав и наслаждений жизнь светского лондонского шалопаея невольно заставляла забыть о старых бреднях.

Так продолжалось до тех пор, пока его не начали мучить ночные видения. Загробный голос призывал его, пугая до смерти, и от этого уже нельзя было так легко отмахнуться.

Скоро ему должно было исполниться тридцать, роковая дата, и с каждым проходящим днем Лахлан почти физически ощущал, что вокруг него, сжимаясь все теснее и теснее, смыкаются стены. В его сознании непрерывно тикали часы, повторяя одно и то же: «У тебя так мало времени и еще так много дел, роковой день все ближе, а жить тебе остается все меньше». От таких мыслей ныло в груди, становилось трудно дышать, воздуха не хватало.

Странное было состояние и плохо объяснимое. Иногда Лахлану казалось, что это задыхается его бессмертная душа, иногда – что души умерших предков садятся ему на грудь и сдавливают ее.

Слабым утешением служила мысль, что с его смертью все закончится. Род Синклеров полностью угаснет, больше никто из них не будет мучиться. Как ни грустны были подобные мысли, но от них невольно становилось легче.

Отодвинув от стены старое запыленное кресло, Лахлан уселся на него и принялся внимательно и задумчиво рассматривать портрет герцога Кейтнесса, виновника его несчастья. Ветер завывал за стенами замка, дождь стучал в окно, вода струйками стекала по стеклу и карнизу; по углам залы как будто колыхались и ползли неясные тени. При тускнеющем свете лампы Лахлан долго и пристально смотрел на крест в руках старого герцога Синклера.

– Лахлан.

Звук человеческого голоса вырвал его из сонного оцепенения. Лахлан вздрогнул, руки судорожно стиснули подлокотники кресла. Сердце подпрыгнуло и бешено заколотилось в груди. Неужели снова призрак? Он замер, похолодев от ужаса. Но через миг, окончательно проснувшись, понял, что, к счастью, ошибся. Рядом с ним стоял Маккинни, старый дворецкий, самый преданный его слуга.

Лахлан глубоко вздохнул. Лицо Маккинни излучало искреннюю заботу, от него так и веяло теплом и спокойствием. Дворецкий снял руку с плеча Лахлана и отступил на шаг, не сводя со своего господина заботливого взгляда.

Маккинни не был красив, но его грубые, слишком резкие черты смягчала трогательная нежность, светившаяся в его глазах. У Лахлана не было и тени сомнения в преданности старого слуги. Только Маккинни и Дугал, его кузен из клана Макбина, были по-настоящему ему верны. Они служили ему верой и правдой точно так же, как на протяжении многих веков служили герцогам Синклерам их предки.

– Ваша светлость, с вами все в порядке?

Нет, он был далеко не в порядке. Чувствовал Лахлан себя прескверно. Его бил озноб, на лбу выступила испарина; он испытывал как душевные, так и физические муки.

– Да, все в порядке. – Лахлан сумел выдавить из себя жалкое подобие улыбки.

– Ваша светлость, неужели вы здесь провели ночь? – Дворецкий удивленно вскинул вверх седые кустистые брови. – Спать здесь неудобно и вредно для здоровья. Тут можно запросто простудиться.

Дворецкий тревожился не зря. В старом зале и примыкавшем к нему коридоре гуляли такие сквозняки, что, казалось, от холода ежились и мерзли даже предки на портретах.

– Я немного задремал.

Краткий сон принес Лахлану желанное облегчение. Из-за частых ночных кошмаров в последнее время он почти совсем не спал. Бессонница измучила его, измотала его нервы до предела.

Маккинни нахмурился. Впрочем, он всегда выглядел мрачным и хмурым.

– Ваша светлость, простите за беспокойство. Вас ждет гость.

– Гость? – Удивлению Лахлана не было предела. Убогость и неопрятность старого замка мало у кого вызывали желание навестить хозяина, а привидения отбили последнюю охоту у тех немногих, у кого она еще оставалась. Не только гости, но и большая часть прислуги, напуганная ночными завываниями и подозрительными несчастными случаями, происходившими с хозяевами, покинула замок. Жители близлежащей деревни, прекрасно осведомленные о темной истории рода Синклеров, ни в какую ни хотели поступать на службу в замок к своему господину, особенно сейчас.

Это лишь усугубляло мрачную атмосферу замка.

Маккинни откашлялся, а затем весомо произнес:

– Ваша светлость, к вам пожаловал барон Олриг.

– Хорошо. – У Лахлана сжалось сердце.

По возвращению домой, в Шотландию, охваченный грандиозными планами восстановления и обустройства родового гнезда, Лахлан разослал всем своим баронам приглашения посетить замок Кейтнесс. Хотя они были его вассалами, Лахлан, не зная, как они воспримут его повеления, готовился к встрече с каждым из них не без внутреннего волнения. Однако сегодня у него не было никакого настроения говорить о чем бы то ни было с кем-либо из них.

Тем более что первые встречи произвели удручающее впечатление. Бауэр, Халкерк и Уик выслушали его указания, язвительно и неприязненно улыбаясь, а Даннет – тот вообще держался откровенно грубо. С недовольным и хмурым видом выслушал все от начала до конца,

а потом, не говоря ни слова, повернулся и, громко топая, быстро вышел из зала. Своевольные и упрямые, как черти, бароны ни за что не хотели ему подчиняться.

Ничего удивительного, таковы шотландцы. В Лондоне все было иначе, титул герцога, даже родом из Северной Шотландии, вызывал у английских дворян намного большее почтение. Хотя к английскому почтению и примешивалась изрядная доля презрения к шотландцам. Волей-неволей, но Лахлану пришлось привыкать к подобной манере общения, и хотя он и был шотландцем, все-таки сумел приспособиться к царившей в лондонском свете атмосфере.

Лахлан не был настолько глуп, чтобы надеяться на проявление приязни или доброжелательности со стороны своих вассалов, однако все-таки рассчитывал на взаимную вежливость и, разумеется, на повиновение. Прежде чем умереть, он хотел успеть завершить многое из того, что задумал, но для этого нужно было, чтобы все его пожелания и повеления исполнялись.

Странно, но поведение Даннета больно его задело. Более того, оно казалось просто возмутительным, но, что еще удивительнее, импонировало Лахлану. Спокойная самоуверенность грубоватого шотландца пришлась ему по душе, к тому же Даннет был не лишен здравого смысла и обладал явными задатками лидера. В другое время и при других обстоятельствах Лахлан был бы рад дружбе с таким сильным человеком, как Даннет, но не сейчас.

– Ваша светлость, Олриг ждет вас в синей гостиной.

Однако упомянутая гостиная никак не соответствовала своему названию. В действительности она выглядела серой и мрачной. По всей видимости, в Шотландии под словом «синяя» подразумевалось что-то другое, нежели в Лондоне. Впрочем, для Шотландии подобные расхождения были в порядке вещей.

Лахлан встал.

– Мне надо умыться и переодеться. Постарайся как-нибудь развлечь гостя.

Как ни горько в этом себе признаваться, но ему больше не к кому было обратиться за помощью.

– Постараюсь, ваша светлость.

Маккинни отправился развлекать барона Олрига, а Лахлан поспешно прошел к себе. От его быстрых шагов ветхие стены замка осыпались буквально на глазах, сами собой отваливались куски штукатурки, а местами, там, где валялись выпавшие из них камни, стены были опасно наклонены, грозя окончательно обвалиться.

На пороге спальни его уже поджидал верный Дугал.

– Где вы были ночью? – коротко буркнул он.

Не обращая внимания на вечное ворчание старого слуги, Лахлан честно признался:

– Не мог уснуть.

– Как, опять? – Дугал недовольно скривился. – Неужели вы забыли принять лекарство?

– Не забыл. Но от него только хуже.

– М-да, – протянул Дугал и задумался.

Он все понимал без лишних слов, и у Лахлана не было от него никаких тайн. Дугал был не просто его родственником, а именно четвероюродным кузеном, он был другом детства. Когда они выросли, Дугал стал его поверенным лицом, тем, кому можно было доверить любую тайну. По возвращении домой на плечи Дугала, кроме всего прочего, легли обязанности секретаря. Дело в том, что нанятый специально для этой цели человек после одной-единственной ночи, проведенной в замке Синклеров, позорно бежал назад в Лондон. Ночью его навестило привидение, напугавшее его до смерти. Оно грозно выло и назойливо шумело, выбрасывая книги из книжного шкафа в спальне гостя.

Трудно представить, каково было бы Лахлану, не оказись рядом с ним также Колина, отца Дугала. Горько бы ему пришлось, очень горько. После неожиданной трагической смерти отца именно дядя Колин взял на себя все заботы о пятилетнем герцоге. Он увез бледного, напуганного мальчика из шотландского замка в Лондон, где юный герцог смог получить образова-

ние, достойное его высокого титула и положения в обществе. Отъезд в Лондон принес немало выгод. Лахлану не пришлось все это время жить в замке, ставшем причиной сумасшествия его отца. Он на протяжении многих лет жил в Лондоне и был избавлен от угнетающей атмосферы родового гнезда, которая постоянно напоминала бы о страшном проклятии рода Синклеров.

Но, как известно, от проклятия нельзя никуда спрятаться, на то оно и проклятие, в назначенный срок оно обязательно сбывается.

– Может, обратиться к другому врачу? – сказал Дугал. Порой, волнуясь о здоровье своего господина, он бывал чересчур заботлив, если не назойлив. Но Лахлан устал от врачей и от их бесплодных попыток его вылечить.

Он не сомневался в том, что страдает непонятным душевным расстройством, перед которым медицина бессильна.

– Раз вас мучает бессонница, почему бы тогда не пить на ночь еще больше лекарства?

Лахлан досадливо поморщился. Меньше всего ему хотелось отуманивать свое сознание, отравляя себя смертельно опасным ядом.

– А не отказаться ли мне совсем от этого лекарства? Я уже подумывал об этом.

Дугал, отступив на шаг назад, удивленно вытаращился на него:

– Что это за глупости?! Врач считает, лекарство необходимо...

– Брось, Дугал. Я все равно плохо сплю, а от опия мне только хуже.

– Лучше плохо спать, чем не спать вовсе.

Нет, не лучше. Ничуть не лучше. Лахлан готов был поспорить.

– Вам нельзя отказываться от настойки, – проворчал Дугал.

В ответ Лахлан буркнул что-то нечленораздельное. Ему не хотелось ни спорить, ни соглашаться: в конце концов, кто из них здесь хозяин? Почему он, будучи герцогом, не может поступать так, как ему хочется?

– Надо пригласить другого врача, – упорно гнул свое Дугал.

Подобная настойчивость действовала на нервы. Лахлан предостерегающе поднял руку и твердо произнес:

– Довольно.

Дугал сразу расстроился. Лахлан улыбнулся, желая улыбкой смягчить невольную резкость своего отказа.

– Ко мне пришел гость. Мне надо переодеться. Позови, пожалуйста, Талли.

В Лондоне все было намного проще. Для того чтобы вызвать лакея, достаточно было позвонить в колокольчик, дернув за шнур. Но здесь казалось – в этом Лахлану пришлось не раз убедиться на собственном опыте, – что звон колокольчика наполняет собой весь замок, поднимая ненужную тревогу.

Вместо того чтобы позвать Талли, Дугал, негромко ворча что-то себе под нос, подошел к шкафу с вещами и принялся там копать.

Лахлан удивленно вскинул брови:

– Где Талли?

Дугал, словно не расслышав вопроса, пару раз кашлянул.

– Сегодня я помогу вам одеваться.

– Где Талли?

– Он, гм-гм, уехал, – глухо проворчал Дугал, чуть отвернувшись в сторону. Но в этом не было никакой необходимости – даже не видя его лица, Лахлан знал, как горько верному Дугалу и как ему жаль своего господина. Впрочем, бегство прислуги стало обыденным явлением.

– Уехал?!

Слуги, которые приехали с ним в замок, сбегали один за другим, пока не удрали обратно в Лондон все до единого. Как бы Лахлан ни притворялся, что его это не волнует, но каждый такой уход причинял ему боль. Бегство Талли расстроило его сильнее всего. Лахлану даже не

приходило в голову, что Талли, бывший солдат, который, как ему казалось, был скроен из более крепкого материала, тоже сбежит, поддавшись страху.

Лахлана не тяготила уединенная жизнь в замке, но жить без прислуги было и неудобно, и непривычно, и, что уж греха таить, совсем безрадостно.

– Да, уехал, как и все остальные. Он не захотел больше оставаться в замке, он божился, что... – Дугал запнулся на полуслове и смущенно замолк. Но Лахлану все было ясно без слов. Об этом шептались все и выводы делали одинаковые.

В замке жили привидения. Что было сущей правдой. Да, привидения, без всякого преувеличения.

Если бы было возможно, он бы снес замок до основания и на его месте построил новый. В соответствии с современными вкусами. В новом замке нечему было бы скрипеть, издавать странный треск или тем более стоны или завывания. Увы, это было невозможно. Призрак отца он видел совершенно ясно. Прежде чем он умрет, он должен полностью восстановить замок, а вместе с ним и честь рода Синклеров. Оставить будущим поколениям память о прошлом – старинный величественный замок, где на протяжении веков жили правители этой земли. Нечто грандиозное...

Но почему-то ничего у него не получалось. Любое его начинание, за что бы он ни брался, гибло в зародыше. Строительные леса обваливались, рабочие разбежались, толком даже не приступив к работе. Иногда казалось, что все его усилия разбиваются о незримую божественную волю.

Когда дела шли наперекосяк и бессильно опускались руки, двое его верных слуг – Дугал и Маккинни – утешали и подбадривали его, как только могли. Трудно было даже представить, каково бы Лахлану пришлось, если бы рядом с ним не было этих двоих. Не будь их рядом, он оказался бы – без всякого преувеличения – в полном одиночестве.

Увидев, какую именно одежду Дугал достал из гардероба, Лахлан поморщился. То, что было в самый раз для Лондона, не очень подходило для Шотландии. Узкие панталоны, фрак, галстук – привычный светский наряд и, мягко говоря, не очень удобный.

Удивительное дело, здесь, у себя дома, в Шотландии, внутри его все восставало против такого наряда.

Светские условности, неписанные, но обязательные к исполнению, все то, что включало в себя понятия «этикет» и «куртуазность», угнетало, раздражало, а порой даже бесило Лахлана. Но титул герцога обязывал, поэтому приходилось вести себя и одеваться так, как того требовали правила этикета. Он даже садился за стол не там, где ему хотелось, а там, где полагалось.

Жизнь, полная ограничений и условностей, действовала на нервы. Тем более здесь и сейчас.

Но, честно говоря, разве он надеялся, разве предполагал, что по возвращении домой его жизнь чудесным образом переменится, что у себя дома, вдали от Лондона и высшего света, он будет жить так, как ему хочется?

Хм, как знать, может, и надеялся на кое-какие послабления.

– А нельзя ли подобрать что-нибудь не столь... – Лахлан неопределенно помахал рукой.

Дугал озадаченно сдвинул брови:

– Не столь что?

«Узкое и стесняющее!» – так и хотелось крикнуть Лахлану.

– Не столь импозантное?

Дугал фыркнул:

– Скажете тоже! Вы должны производить на этих бастардов надлежащее впечатление, внушать им уважение одним своим видом...

– А разве титула герцога для этого недостаточно?

– Но ведь вы сами говорили, что они грубы и свирепы, как дикари.

Да, говорил, и не раз.

– Что они самые настоящие варвары, что они уважают только силу, точнее власть. Вы должны быть ее наглядным воплощением. – Достав из шкафа сперва фрак, затем панталоны и галстук, Дугал аккуратно разложил все на постели.

У Дугала был настолько самодовольный вид, что Лахлан отвернулся и вздохнул:

– Хорошо, будь по-твоему.

Но про себя он решил: как только гость уйдет, он немедленно переоденется во что-нибудь более удобное.

Пока Дугал его брил, причесывал и помогал переодеваться, Лахлан старался держать себя в руках, хотя на самом деле ему хотелось послать все куда-нибудь подальше. Все это такая чепуха! Ему нужны лишь пара простых брюк и рубашка – и больше ничего.

Увы, выйти за рамки условностей было не так просто. Он – герцог, это ему вдалбливали с самого детства, пока он твердо не усвоил, как должен выглядеть в глазах людей, чтобы их не разочаровывать.

Когда туалет был закончен, Лахлан посмотрел на свое отражение. Из зеркала на него глядел величественный лорд.

– Как я выгляжу?

Вопрос был явно излишним, потому что ответ был ясен, и прежде всего самому Лахлану.

– Хорошо. Вы выглядите превосходно. – Дугал, явно любуясь плодами своего труда, смахнул с его плеча пылинку, которой на самом деле не было. – Настоящий герцог, как на картинке!

– Пожалуй, даже слишком хорошо для столь дикого края, как наш, – пробормотал Лахлан.

– Вам надо произвести должное впечатление на Олрига, – с серьезным видом заметил Дугал. – Его уважает здешняя знать. Завоевав его расположение, вы тем самым завоеуете расположение всех остальных.

Против этих слов ничего нельзя было возразить. Скверно, очень скверно, если Олриг уйдет, как некоторые, не проронив ни слова, или как другие, невнятно что-то пробурчав себе под нос. Ни отмалчивание первых, ни бурчание вторых никак нельзя было принять за согласие. А ведь ему нужны средства, деньги, без которых невозможно отстроить заново замок. А без этого дух отца не успокоится. И как знать, может, и его собственный дух тоже.

– Ваша светлость, вы же лучше меня знаете шотландцев. Они упрямы и строптивы, как не знаю кто. Кэмбелл потратил бог знает сколько сил и времени, прежде чем бароны прислушались к его словам. Казалось бы, о чем тут так долго думать?! Разве не очевидно, что разводиться овец очень выгодно, причем всем.

– Шотландцы не любят перемен, – пожал плечами Лахлан.

– Не любят. Но ведь вы герцог Кейтнесс. – Дугал разгладил видимую только ему одному складку на платье. – Раз они не хотят по-хорошему, то нечего с ними церемониться. Вам стоит только повелеть, и никто из них не посмеет ослушаться.

Конечно, это было самое простое и легкое решение. Но приказывать, угрожать, принуждать – все это как-то не нравилось Лахлану. Хотелось, чтобы бароны сами, по своей доброй воле запустили перемены, а для этого надо было сперва их убедить или уговорить.

А если уговоры не подействуют, ну что ж, тогда придется прибегнуть к силе.

Бросив последний взгляд на свое отражение в зеркале и слегка поправив туго затянутый галстук, Лахлан направился к выходу. Прежде чем выйти, он приказал Дугалу принести в гостиную чай и кексы.

Договориться о чем бы то ни было с шотландцами было совсем непросто, в том числе и с прислугой, которая даже не умела как следует подать чай.

Синяя гостиная была единственной пригодной для обитания комнатой на первом этаже замка. Ей, как и другим помещениям в замке, не помешал бы небольшой ремонт. Но в целом, благодаря неплохо сохранившейся старинной мебели, в гостиной было тепло и даже уютно.

Лахлан вошел, стараясь держать самую что ни на есть величественную осанку, но его грандиозное появление, целью которого было поразить воображение гостя, осталось незамеченным.

Олриг, утомленный долгим ожиданием, явно не сгорал от желания увидеться с герцогом, и его целью, вероятней всего, было вовсе не налаживание деловых отношений. Небрежно повернувшись спиной к дверям, он внимательно рассматривал висевший над камином женский портрет. Кем была эта изображенная на картине давным-давно умершая женщина с младенцем на руках, Лахлан не знал, но ему было совершенно ясно только одно: она принадлежала к роду Синклеров. По возвращении домой он не приказал убрать портрет таинственной незнакомки, потому что он ему понравился. Ее мягкое очарование, ласковый взгляд, искренняя материнская привязанность, заметная по тому, как она держала на руках младенца, пробуждали теплые, нежные, но, увы, сдобренные горечью чувства.

И на этот раз при взгляде на женщину с младенцем у Лахлана защипало в горле. Это было не вовремя и не к месту. Он сглотнул предательский комочек, выпрямился, стараясь придать себе максимум величественности, и тихо кашлянул.

Олриг тут же обернулся. Барон поражал своими внушительными размерами, а также граничившей с необъятностью тучностью. На круглом, заплывшем от жира лице, как две бусинки, блестели глаза. Нос у него был сломан, по-видимому, в какой-то стычке или драке, а темные синяки под глазами наводили на мысль, что, возможно, это случилось недавно. При виде герцога толстые губы барона скривились в слабом подобии улыбки.

– Ваша светлость. – Олриг порывисто бросился вперед.

Размерами и неуклюжестью он очень напоминал носорога. Еще бы чуть-чуть – и он, скорее всего, сбил бы Лахлана с ног. Находясь почти в шаге от герцога, Олриг вдруг замер и, поклонившись, обдал того неприятным запахом гниющих зубов. Поклон получился очень странный и смешной; из-за необъятной толщины барон почти не сгибался в поясе, кланялась одна только его голова.

Лахлан протянул руку, и барон, выражая вассальную преданность, поцеловал перстень.

– Олриг, прошу вас, садитесь.

– Благодарю, ваша светлость. – Олриг опять поклонился, весь заколыхавшись от признательности. – Должен сказать, было крайне приятно получить ваше приглашение.

Неслыханное дело – подобные любезности, произнесенные шотландцем! Неожиданный прилив радости сошел на нет так же быстро, как и возник. Настораживал какой-то веселый, даже насмешливый тон, которым он произнес эти слова, а бегавшие по сторонам, словно что-то высматривавшие глаза барона лишь усилили подозрительность Лахлана.

– Вы привезли с собой ваши конторские книги?

– Конечно. – Олриг выложил на стол несколько толстых тетрадей.

Лахлан принялся быстро их просматривать. Он хорошо считал, прекрасно запоминал цифры и легко разобрался в книгах барона. Было ясно, что бухгалтерия ведется даже не небрежно, а из рук вон плохо. В отличие от Даннета, который скрупулезно все подсчитывал и записывал, Олриг не слишком утруждал себя тем, чтобы концы точно сходились с концами. В роли управляющего Олриг явно проигрывал Даннету.

«Что за неуместное сравнение?» – Лахлан нахмурился, стараясь подавить внезапно охватившее его раздражение при мысли о Даннете, который своим вызывающим поведением задел его за живое.

Откровенно говоря, злость Лахлана на Даннета была вызвана не столько поведением последнего, сколько кипевшей в его груди жгучей обидой почти на всех шотландцев, почему-то не умевших и не желавших его понять.

Из-за этих расхождений Лахлан чувствовал себя не в своей тарелке, каким-то связанным и ограниченным в своем волеизъявлении.

В отличие от него Даннет держался свободно, непринужденно и совершенно естественно, нисколько не робея и не опасаясь, что его поведение задевает его господина.

Лахлан ничего не мог с собой поделать: он завидовал Даннету.

– Что-то не так? – с тревогой в голосе спросил Олриг.

Лахлан захлопнул бухгалтерскую книгу.

Он был очень заинтересован в том, чтобы каждый из его баронов успешно вел хозяйство, но еще больше ему хотелось завоевать их расположение и даже дружбу.

– Да нет, все хорошо. Но будет еще лучше, если мы проведем кое-какие нововведения. Что скажете насчет огораживаний, Олриг?

Хитрить не было смысла. Лахлан перешел к делу без околичностей.

– Огораживания? Так вот что вы задумали? – Олриг был озадачен.

Лахлан про себя чертыхнулся: колебания барона ему не нравились.

– Думаю, так будет лучше всего. – Лахлан постарался, чтобы его голос прозвучал как можно энергичнее и увереннее. – Согласитесь, это ведь намного выгоднее?

Олриг внимательно посмотрел ему в глаза и улыбнулся:

– Конечно, выгоднее.

Лахлан едва не задохнулся от удивления. Олриг был первым из его вассалов, кто открыто и даже благожелательно – что и произвело на него неожиданный эффект, – откликнулся на его деловое предложение.

– Вы и впрямь так считаете?

– Да, конечно. – Барон потер ладони друг о друга; его толстые и короткие пальцы очень походили на сосиски. – Я уже кое о чем наслышан. Те, кто начал по-новому вести хозяйство, очень-очень довольны. К примеру, Стаффорд.

Лахлан сделал усилие, чтобы не поморщиться. Второй маркиз Стаффорд, между прочим, его ровесник, был его давним соперником. Будучи двумя самыми крупными землевладельцами в Северной Шотландии – Стаффорд на западе, а Лахлан на востоке, – они оба были приняты при дворе принца-регента. Между ними произошло несколько неприятных стычек, после чего они друг друга возненавидели. Если один из них высказывал какое-то мнение, то другой в пику ему придерживался совершенно противоположной точки зрения, а постоянная борьба за благорасположение принца лишь усиливала их вражду. По правде говоря, именно Стаффорд и его успех побудили Лахлана приступить к огораживаниям. Убрав мелких арендаторов и занявшись разведением овец, Стаффорд за короткое время утроил свой доход. Земель у Лахлана было больше, но они были не столь плодородны, поэтому он так долго медлил, раздумывая над тем, насколько будет выгодным начинание. К тому же налоги, которые он платил короне, никто не отменял. Свободных денег у него было немного, а для того, чтобы осуществить задуманное, их явно недостаточно. Ограниченность средств ограничивала возможности.

Утрата сокровищ Рослина, их исчезновение во тьме прошлых веков теперь вызывало удвоенные сожаления. О, как бы ему сейчас пригодился крест! Обладая он такой драгоценностью, о, тогда он смог бы осуществить все задуманное, причем без чьей-либо поддержки, которая в нынешнем его положении ему просто необходима. Случайных источников дохода не предвиделось, поэтому не оставалось ничего другого, кроме как заручиться поддержкой баронов.

И вот сейчас забрезжила какая-то надежда. Если один из них согласится, то другие, очень возможно, последуют его примеру.

– Вот и хорошо. – Лахлан вежливо улыбнулся. – Сколько времени вам потребуется, чтобы согнать с вашей земли арендаторов?

– Думаю, немного, – усмехнулся Олриг. – Самое большее месяц.

– Замечательно! – Лахлан заметил замершего у входа Дугала с подносом. – А-а, вот и небольшое угощение. Позвольте вас угостить чаем, Олриг?

Барон скривился:

– А виски у вас не найдется?

Лахлан растерялся. Виски? В столь ранний час?

Ох уж эти шотландцы!

Но разве Олриг не заслужил небольшой награды за столь быстрое взаимопонимание? Он стал первым, кто с готовностью согласился на его предложение. Лахлан сделал знак Дугалу, тот безмолвно подошел к пузатому буфету, достал виски и налил два стаканчика. Олриг с блестящими от радости глазами взял предложенный стаканчик и произнес тост:

– За будущие прибыли.

– Вот именно, – отозвался Лахлан и выпил следом за бароном. Он не привык пить крепкие напитки в столь ранний час, но как-никак, а сделку, согласно обычаю, следовало закрепить. Олриг имел вес среди баронов, с помощью такого союзника шансы добиться их согласия заметно возрастали.

– Должен сказать, Олриг, ваше столь быстрое содействие приятно меня удивило.

– Неужели?

– Да. Другие бароны совсем не спешили идти мне навстречу.

Олриг вопросительно приподнял брови:

– Не назовете ли вы кого-нибудь из этих тугодумов?

– Даннет, например.

Барон то ли фыркнул, то ли усмехнулся, выражая неприязнь.

– Вы его знаете? – удивился Лахлан.

– Знаю ли я его? Конечно, мы же соседи. Невежа и грубиян, каких поискать.

Невежа и грубиян? Точно подмечено. Грубый, угрюмый. Совершенно невыносимый! Но тут внутренний голос тихо, но явственно шепнул Лахлану: «А также сильный, глубоко порядочный и достойный человек». Голос царпал и раздражал. Чтобы заглушить его, Лахлан нагнулся вперед и торопливо спросил:

– В самом деле?

Испытующе посмотрев ему в лицо, Олриг тоже наклонился:

– Только между нами, хотите, я кое-что расскажу о нем?

– Выкладывайте все, что знаете, – поторопил его Лахлан.

– Я слышал... – Олриг сделал многозначительную паузу.

– Что слышали? – нетерпеливо произнес Лахлан.

Барон замялся:

– Не стоило мне, наверное, начинать весь этот разговор...

– Я ваш сюзерен. Говорите смело, не бойтесь.

– До меня дошли слухи... что он изменник.

У Лахлана перехватило дыхание. Он побледнел от гнева и от странной внутренней обиды на Даннета.

– Как?

Поросычьи глазки Олрига забежали из стороны в сторону.

– Против вас, ваша светлость, устроен заговор. Во главе заговора маркиз Стаффорд, а Даннет – его приспешник.

Черт!

– Какие у них цели?

– Вызвать возмущение среди ваших баронов.

Возмущение? Невероятно, неужели Даннет может быть таким двуличным? Но ведь Даннет вел себя откровенно вызывающе, и Лахлан отбросил сомнения прочь.

– А дальше? Что дальше?

– Как я понял, маркиз хочет принизить вас в глазах принца.

Это никак нельзя было назвать неожиданным известием. Стаффорд уже много лет интриговал против Лахлана. Дело в том, что Стаффорд из кожи лез, стремясь получить титул герцога из рук принца. По слухам, в последнее время он значительно приблизился к своей заветной цели, сумев завоевать благосклонность принца-регента.

– Маркиз очень надеется на то, что, утвердив свое положение при дворе принца, он сможет предъявить права на ваши земли, когда... – Олриг запнулся и виновато заморгал.

– Что когда?

– Ваша светлость, прошу меня великодушно простить, когда вы скончаетесь.

Ах вот оно что! Как же проклятие рода Синклеров навязло у него в зубах! Да, эта история давно не была ни для кого секретом. Сколько об этом судачили в лондонских великосветских гостиных, не стесняясь даже делать это прямо при нем! Более того, как ему было известно, в букмекерской конторе Уайта даже принимались ставки насчет того, когда он умрет.

– Гм, значит, Даннет в сговоре со Стаффордом?

Это почему-то разозлило Лахлана сильнее, чем даже само известие о тайном стремлении Стаффорда присвоить его земли после его смерти. Как ни странно, но ему было совершенно безразлично, кто будет владеть землями Кейтнесс после его кончины. Но осознание того, что его вассал вступил в заговор с врагом, разгневало его до крайности.

Участие в заговоре именно Даннета привело Лахлана в еле сдерживаемую ярость.

– Да, ваша светлость. – Олриг спокойно допил стаканчик виски, и Лахлан тут же наполнил его снова.

– А что, если это все пустые, ничем не обоснованные слухи? – Гнев уступил место здравомыслию.

Лахлан не совсем понимал, какой смысл было Даннету так рисковать своей жизнью, ведь он добровольно лез головой в петлю.

Олриг кашлянул и сиплым голосом произнес:

– Это не слухи. Я могу это подтвердить. Я видел...

– Что вы видели?

– ...Как он встречался с сыном Стаффорда. На прошлой неделе в гостинице «Бауэрмадден инн». Они о чем-то сговаривались.

Лахлана словно обухом ударили по голове. Черт возьми! Почему он так расстроился? Какое ему дело до Даннета?! Даннет вел себя крайне неуважительно, вызывающе, в нем не было ни капли почтения. Но пойти на явный бунт? Это выглядело глупо, более того, как-то плохо вязалось с обликом этого человека.

– Он попробовал втянуть меня в заговор, но я наотрез отказался. – Глаза Олрига злобно блеснули, он коснулся пальцем своего перебитого носа. – Видели бы вы, как он разозлился, и вот результат.

– Это он сломал вам нос?

– Да, он... а кто же еще? Вы же сами знаете, как быстро Даннет выходит из себя. Вспыльчив до ужаса.

Да, все верно. Но за вспыльчивостью Даннета просматривалась сильная воля.

Лахлан задумчиво посмотрел в лицо Олрига. Ему показалось, что по губам барона скользнула злорадная усмешка и тут же исчезла под маской подобострастия и угодливости.

– М-да, благодарю вас, барон. Я ценю вашу откровенность, а также вашу преданность.

– Ваша светлость, как видите, я предан вам душой и телом.

– Ваша верность будет вознаграждена надлежащим образом.

По твердому убеждению Лахлана, верных слуг надо было награждать, а предателей – карать. Беспощадно и без промедления.

Он выразительно посмотрел на Дугала, тот все понял без слов. Лахлан намеревался немедленно отправиться в замок Даннета, чтобы вырвать заговор с корнем, уничтожив его в зародыше.

Глава 2

Лана Даунрей тихо плакала, лежа на кровати. Он опять явился ей во сне. Умиравший в расцвете сил. Каждый раз, когда его вот-вот должен был поглотить туман небытия, ее охватывал неудержимый ужас. Своими твердыми и холодными пальцами ужас сжимал ее сердце, и она замирала, боясь потерять его навсегда. С его уходом, как ей казалось, мир утратил бы все свои краски и всю радость, став тусклым, серым и скучным.

Это был очень необычный сон. Он не походил на посещавшие ее видения – на духов или призраков, с которыми она ежедневно общалась. Сон опутывал ее, словно липкая паутина, из которой нельзя было вырваться. Облик незнакомца из сна был очень привлекателен, без всякого преувеличения – настоящий красавец, способный разбить не одно женское сердце. Он был высок, широкоплеч, строен, темные вьющиеся волосы свободно ниспадали до плеч, и даже щетина на его подбородке казалась ей восхитительной. Его голубые глаза поражали глубиной, черты лица были выразительны и аристократичны. Особенно возбуждали губы, четко очерченные, чувственные, манящие. Даже смертельный ужас отступал на миг прочь, как только она представляла всю сладость его поцелуя на своих губах.

Но Лана честно признавалась самой себе в том, что дело было не столько в лице, губах и мужественной фигуре, сколько в том, что скрывалось под столь неотразимой внешностью. Это глубоко спрятанное нечто цепляло ее, пробуждая в глубине ее души самое сокровенное, словно они общались на понятном только им одним языке. Ощущение духовной близости было удивительно отчетливым, такое обычно возникает только между самыми близкими по духу людьми. Все становилось еще загадочнее и запутаннее из-за того, что Лана ни разу в жизни не видела этого человека. Если бы они встретились, она точно не забыла бы об этом.

Тем не менее, как подсказывало Лане шестое чувство, он существовал.

Она аккуратно приподняла Нерида и встала. Нерид обожал забираться к ней на грудь и лежать там, вытянувшись во всю длину. Блаженно урча, кот засыпал вместе с ней. Потрясенный, он зевнул, поглядывая на свою хозяйку из-под полуоткрытых век.

– Эй, дружок, – ласково произнесла Лана, нежно почесывая его подбородок, – спи дальше.

Тихонько ворча, кот свернулся в клубок на подушке.

Как это ни грустно, но ее лучшим другом был именно Нерид.

От таких мыслей становилось совсем тоскливо. Вздохнув, Лана откинула волосы за спину и села возле окна, глядя в ночную темноту. Обрывки сна еще туманили сознание, но она точно знала, что заснуть ей больше не удастся.

Ради чего ангелы почти каждую ночь посылали ей сон про этого мужчину, она не могла понять. Ангелы – скрытные создания, они весьма неохотно раскрывают людям будущее. Лана обладала удивительным даром, и она хорошо знала, что ангелы нелегко расстаются со своими тайнами, но надеялась, что со временем они раскроют ей смысл посылаемого сновидения. Раньше всегда так и было.

Она увидела во сне Александра Лохланнаха, лэрда Даннета, задолго до того, как Ханна, ее сестра, вышла за него замуж. Задолго до того, как они обе впервые его встретили, задолго до того, как они обе переехали жить в его замок. Лана также увидела во сне Эндрю, брата Алекса, очень обаятельного, с веселыми, смеющимися глазами.

Сперва Лана надеялась, что явившейся ей во сне Эндрю – это ее настоящая любовь, что ангелы наконец-то подали ей знак. Вместе с тем она понимала, что это все пустые надежды, просто ей нравилось мечтать о красивом, веселом парне, который, возможно, станет ей настоящим другом. Но после, когда она приехала в Даннет и познакомилась с Эндрю, в тот момент,

когда они поцеловались, она сразу поняла, что они никогда не будут вместе, что свою жизнь он свяжет с другой женщиной, а не с ней.

Точно то же самое происходило и с другими, кто являлся к ней во сне прежде, чем она встречала их в реальности. Как выяснилось потом, они все играли в ее жизни какую-то роль.

Лана чувствовала, что история с незнакомцем из сновидения, кем бы он ни был, будет иметь похожее продолжение.

В один прекрасный день они встретятся, и эта встреча, вероятно, как-то изменит или ее, или его дальнейшую жизнь.

Когда это случится, зачем и как именно, было неизвестно. Из ее сновидений ясно было одно – ей предстояло... спасти его от какой-то опасности.

Подобная неопределенность немного раздражала: туман вместо ясности, отдельные куски вместо цельной картины, догадки вместо понимания.

Хотя к этому пора было бы уже привыкнуть. Лана обрела столь необычный дар давно – еще в детстве, после того, как едва не умерла от тяжелой болезни.

За эти годы она твердо усвоила: пытаться понять точное значение сна – занятие совершенно бесполезное. Надеяться на то, что мужчина из сна именно тот, кого она так ждала, было глупо. Но, считая себя круглой душой, Лана тем не менее продолжала надеяться. Каждый раз, когда она думала о нем, все в ней замирало от сладкого предчувствия, а сердце начинало биться тревожно и радостно.

Ах, если бы она была благоразумнее и рассудительнее, разве стала бы она предаваться пустым фантазиям, увлекаться игрой воображения?..

Виной всему было ее одиночество. Хотя ее окружали родные и друзья, Лана держалась как бы в стороне от всех. И действительно, она не была своей в окружавшем ее мире. Как только люди узнавали об ее даре, у них это сперва вызывало удивление, а потом страх. Ее сторонились, конечно, не в буквальном смысле; с ней разговаривали, но держались настороженно, поглядывая на нее с опаской.

Лана привыкла к такому отношению, но легче от этого ей не было.

Она свыклась с мыслью, что так и останется старой девой. И не удивительно, какой мужчина женится на девушке, от которой ничего нельзя скрыть, утаить – и так до самой смерти?! Как хорошо, что отец, мать и сестры любили ее и относились к ее дару с пониманием. Ей повезло, что двери домов ее удачно вышедших замуж сестер всегда были для нее открыты. Даже тогда, когда она состарится, ее, одинокую, седую, по-прежнему будут принимать в семьях ее сестер...

Кем бы ни был умирающий незнакомец из сна, она не найдет в нем родной души. И любви в нем не встретит. Он не будет тем, кто примет ее такой, какая она есть, кто не побоится заключить ее в свои объятия.

Во всем мире не было такого человека.

После таких раздумий на сердце становилось тяжело. Мечтать о любви было не только глупо, но и больно.

До рассвета было далеко, но Лана уже привыкла к ночным грустным размышлениям возле окна. Когда край горизонта окрасился в розовый цвет, она встала и принялась не спеша одеваться.

По обыкновению, сперва она направилась на кухню. Закрыв за собой двери своей комнаты, Лана задумчиво посмотрела в сторону спальни сестры и ее мужа. Однажды, когда на душе было невыносимо тяжело, она пришла ночью к Ханне, легла возле нее и, свернувшись калачиком, прижалась к сестре. Но ведь Ханна была замужем! Разумеется, Даннет не пришел в восторг от ночного посещения Ланы. Муж сестры был добрым и очень хорошим человеком, но, по его мнению, это не лезло ни в какие ворота.

Сейчас это выглядело даже забавно. Лана улыбнулась. Можно только предполагать, о чем начали бы судачить в замке, если бы стало известно о ее ночном посещении спальни Ханны. История была не очень-то смешной, но Лана умела находить смешное в том, что другим могло показаться печальным или серьезным.

Проходя через гостиную, она по-приятельски кивнула сэру Каллуму, висевшему при входе. Это был галантный рыцарь, по натуре мягкий и впечатлительный. Он погиб, защищая свою возлюбленную Лорели. Он ничего не мог сделать, превосходящие по численности враги убили его и захватили Лорели. Это стало для Каллума трагедией. Лорели давно умерла, но Каллум по-прежнему стоял на страже. Лана молилась за несчастного рыцаря, который, хотя и не был виноват, никак не мог простить себе то, что не уберег свою возлюбленную.

Спускаясь по лестнице, Лана чуть отодвинулась от портрета юной плачущей Кэтти, склонившейся над перилами балкона. Не имело никакого смысла утешать Кэтти, целиком погруженную в ее горе, она никого не замечала вокруг себя. Ее обесчестил ее господин, кажется, в пятнадцатом веке. Когда Кэтти поняла, что беременна, то от стыда и горя, а также чтобы заставить бросившего ее любовника-лэрда раскаяться, она кинулась вниз с балкона.

А потом следовал сварливый и грубый Дермид. Но он был ей несколько не интересен. Лана нарочно отвела взгляд в сторону, сделав вид, что не слышит его негодующего бурчания. Дермид, имевший дурной нрав, как обычно, возмущался и даже бранился.

А вот, наконец, и кухня. С каким удовольствием Лана вошла под ее сводчатый потолок, где всегда так приятно и вкусно пахло, где она провела столько счастливых минут!

– Доброе утро, – улыбнулась она Уне, которая с серьезным видом наблюдала за тем, что делает Мораг.

Утро Лана обычно проводила на кухне с сестрами Мораг и Уной. Кухня была для нее убежищем, спасительной гаванью, потому что обитавшие в замке призраки обходили кухню стороной, так как громкоголосая и властная Уна вызывала у них неприязнь.

Обернувшись, Мораг улыбнулась:

– Доброе утро, госпожа. Хорошо ли спали?

– Просто замечательно. – Лана взяла яблоко и надкусила его. Она умела проникать в мысли людей и поэтому хорошо знала, что честно отвечать на их вопросы не надо – Мораг это несколько не интересовало. Точно так же вели себя и другие: ее переживания и чувства никому не интересны.

– Я пеку лепешки, – сообщила Мораг, увлеченно помешивая тесто в миске, тем самым лишний раз подтверждая правильность суждений Ланы.

– Она слишком долго мешает, – возмущенно выдохнула Уна. Ей нравилось указывать.

Лана взяла Мораг за руку, и та остановилась.

– Если долго мешать, то лепешки выйдут слишком твердыми, – тихо заметила Лана.

Прищурившись, Мораг посмотрела ей в лицо, затем отодвинула миску и пробурчала:

– Языком молоть легче всего. Мы еще поглядим, кто лучше готовит.

– А еще лучше, если бы кое-кто внимательнее прислушивался к моим советам, – вскинулась Уна.

Лана закивала, но ничего не сказала, поэтому было неясно, на чьей она стороне. После бессонной ночи ей не хотелось вмешиваться в очередную стычку между сестрами. Уна и Мораг постоянно воевали друг с другом за право быть главной и первой на кухне. Хотя Мораг давно победила в этом споре, Уна ни за что не хотела признавать своего поражения. Мораг умела готовить и готовила, тогда как Уна предпочитала советовать и указывать. Или молча следить с высокомерным видом.

– Ну скажите ей, что нельзя класть столько соли! – не унималась Уна.

Лана с укоризной посмотрела на нее. Ей страшно не хотелось выступать судьей в этом споре. Кроме того, Мораг ни разу не пересолила ни одно блюдо, ее лепешки всегда были посолены в меру.

– Я скоро вернусь. – Лана поцеловала Мораг в щеку. – Только схожу на конюшню проведать собак.

– Ах, чуть не забыла. – Мораг достала из-под лестницы обрезки мяса. – Вот.

– Большое тебе спасибо. Думаю, им придется это по вкусу. – Лана признательно улыбнулась и вышла из кухни во двор замка.

Несколько дней назад Ханна и ее муж спасли собаку, которую избил ее дурной хозяин. В этой схватке также крепко досталось охотничьему псу Даннета по кличке Бруид. Лана, страстно любившая собак, взялась выхаживать избитых животных.

В мире столько зла и жестокости, и как же это грустно! Вовсе не будучи ангелом, Лана все же по мере своих сил старалась смягчать грубые и жестокие нравы окружающих. Мысль, что таково ее предназначение или даже смысл жизни, согревала ей сердце. А если она заблуждалась, ну что ж, ничего страшного, она выбрала свой путь в жизни и шла, не сворачивая с него.

Тяжело вздохнув, Лана вошла в ворота конюшни. Прямо у входа ее приветствовал тихим ржанием Вельзевул, жеребец сестры. Он ласково ткнулся ей в руку бархатными губами. Лана медленно шла по проходу, поглаживая и похлопывая других лошадей, которые высовывали головы из денников, торопясь получить свою долю внимания и ласки. Они были невероятно красивыми созданиями, все без исключения.

Лана не ездила верхом, но ей нравилось бывать на конюшне. Это был особый мир, гармоничный, тихий, прекрасно успокаивавший ее раздраженные бессонницей нервы. Пряный аромат сена и острый запах лошадиного пота, тихое фырканье и ровное дыхание коней, атмосфера покоя и расслабленности – все вместе взятое пробуждало в ее душе умиротворение и любовь.

Больных собак поместили в самой глубине конюшни, рядом с помещением главного конюха по имени Эван, который, помимо всего прочего, умел лечить заболевших животных. Он и Лана провели немало времени, ухаживая за собаками, смазывая раны и меняя на них повязки. Не раз Лана от усталости засыпала прямо здесь, возле собак, и каждый раз, просыпаясь, она находила себя заботливо укрытой одеялом. Дело рук Эвана.

Сегодня Эвана нигде не было видно. На конюшне вообще не было никого, за исключением бесплотного Гэвина, молодого сквайра, который погиб несколько столетий назад при пожаре в старой конюшни, спасая лошадей. Гэвин нравился Лане, ведь он, так же как и она, любил лошадей, причем любил беззаветно – больше, чем свою жизнь. Она по-дружески кивнула ему, а он бесшумно махнул ей рукой в ответ.

Тихо приоткрыв двери, она проскользнула в стойло. Увидев ее, Бруид радостно заскулил. Лана присела подле него на кучу сена. Сучка Сэди вскинула голову и бодро застучала хвостом о пол. Едва Лана раскрыла тряпку, в которую были завернуты мясные обрезки, собаки оживились еще больше.

– Ах, бедняжки, как вы проголодались, – ласково произнесла Лана, принимаясь их кормить.

Сэди ела не спеша и деликатно, прямо как леди, тогда как Бруид хватал куски из рук, сразу их проглатывая и не сводя с Ланы жадных глаз. Она почти закончила кормить собак, когда ворота конюшни со скрипом распахнулись и кто-то вошел внутрь. Лана посмотрела на вошедшего сквозь дверную щель, и ее сердце взволнованно забило. Она узнала Галена Робба.

Симпатичный, даже очень симпатичный, светловолосый, высокий, стройный, настоящий мужчина, на широких плечах которого красовался плед клана Синклеров. Вылитый греческий бог! На него поглядывали все женщины в самом замке и его округе, а многие даже заглядывались.

Но как бы ни был красив Гален Робб, тот, из ее сновидений, был еще красивее.

Вместе с Роббом в конюшню вошел Тревор Клей, его приятель. Они вели за собой лошадей и о чем-то шумно беседовали.

– Мейси? – весело спросил Гален, принимаясь расседлывать коня. – Та, кто доит коров? Тревор уперся руками в бедра и усмехнулся:

– Один к двум.

– За одну ночь? Спорим? – не без некоторой доли мужской самоуверенности произнес Гален. Тревор сразу сник.

– Не хочу. А как насчет Ирен? Дочки мясника?

– Хороша, что тут говорить, – подмигнул Гален. – У нее все на месте.

– Особенно сзади, – осклабился Тревор, совершая руками округлые движения.

Краска моментально залила лицо Ланы. Она догадалась, о чем именно говорили мужчины. Пока дело не дошло до откровенной похабщины, надо было как можно быстрее дать им знать, что они на конюшне не одни. Но не успела Лана встать, как следующий вопрос Тревора пригвоздил ее к месту.

– А как насчет Ланы Даунрей?

Гален как-то нехорошо поморщился, а по его губам пробежала презрительная улыбка. От ее вида у Ланы внутри все помертвело. В такие моменты лучше ничего не слышать и не видеть, но она была не в силах отвести глаз от лица Галена.

– Сестры жены хозяина?

Совершенно лишний и ненужный вопрос, по тону едва ли не созвучный той улыбке.

– Какая она хорошенькая!

Однако в словах Тревора прозвучала не столько похвала, сколько откровенная насмешка. По спине Ланы побежали мурашки.

– Да, согласен. – Гален взял щетку и начал чистить лошадь.

– Красивее, чем все остальные, вместе взятые, – продолжал Тревор.

– Да. – Гален опять поморщился. – Хозяин ей покровительствует.

Тревор усмехнулся и по-приятельски хлопнул Робба по плечу:

– Неужели тебя пугает именно это? Прежде при виде красивой девчонки ты вел себя куда смелее. Лучше честно скажи, что дело тут совсем не в этом!

– А в чем же? – нахмурился Гален.

– Да в том, что ты ее боишься.

Лана сжалась в комок. Речь опять зашла о том самом. Она знала, давно знала, что думают о ней люди, но привыкнуть к такому отношению было трудно.

– Что ты несешь? – огрызнулся Гален. – Ничего я не боюсь, а уж красивых девушек тем более.

– Вот и отлично. – Тревор, ехидно улыбаясь, потер ладони друг о друга. – Раз так, то почему бы тебе не соблазнить ее?

Гален побагровел. Бросив щетку на скамью, он сердито рявкнул:

– Соблазнить родственницу лэрда?! Ты что несешь?

– Ха, не виляй. Мы с тобой оба хорошо знаем, что вовсе не поэтому ты не хочешь соблазнить эту красивую... ведьму.

Ведьма. Вот оно.

Слово отдалось в ее сознании многократным эхом. Стало трудно дышать. Сколько раз ей приходилось слышать об этом! Люди чурались, избегали ее, и все из-за ее дара. Как же это было обидно!

– Перестань, Тревор.

– Да ладно. Ты же соблазнил почти всех девчонок в замке. Черт, по правде говоря, ты переплюнул самого Серебряного Лиса. Столько побед! И на одну больше, а? А она такой лакомый кусочек. Ангельское лицо, дивные формы. Признайся, что не хочешь...

– Перестань, кому говорю! – огрызнулся Гален.

Лане стало тепло и приятно. Гален как будто встал на ее защиту. Но его следующие слова смахнули надежду, как ветер смахивает пыльцу с цветка:

– Эта женщина немного не в себе. Она слегка чокнутая. Скажи, кто в здравом уме будет за ней ухаживать?! Ведь это всем известно. И мне, и тебе в том числе.

Да, вот правда и вылезла наружу.

В ее груди бушевали противоречивые чувства, ей хотелось то ли разозлиться, то ли расплакаться от отчаяния. Как бы там ни было, необходимо действовать, скрываться дальше никак нельзя. Промедление грозило еще большими осложнениями. Лана решительно встала, поправила платье, смахнув с него соломинки, и распахнула двери.

К чести Галена, он покраснел, а его губы задрожали. Потрясенный Тревор смотрел на нее, раскрыв рот от удивления.

Наступила крайне неприятная пауза. Особенно для мужчин.

Более того, благодаря своему ясновидению Лана легко могла, подлив масла в огонь, напугать их обоих до смерти. Галену она могла сообщить, как страдает его умершая мать, как она боится за него, и все из-за его непутевого образа жизни. Что касается Тревоора, то тут все обстояло еще хуже. Дело в том, что он, весьма вероятно, во время последнего любовного свидания подхватил оспу. Но в самый последний момент что-то удержало ее от излишней откровенности.

Пристально посмотрев сперва на одного, потом на другого, она с трудом выдавила улыбку. Но эффект того стоил.

– Доброе утро. – Кивнув им обоим, она пошла прочь от них к открытым воротам, за которыми ярко светило солнце и виднелся кусочек чистого неба. Там, снаружи, все дышало светом, теплом и безмятежностью. Всем тем, к чему так жадно сейчас стремилась ее обиженная душа.

На пороге она вдруг обернулась, смерив их обоих надменным взглядом. Нельзя было так просто проигнорировать возведенную на нее напраслину. Гален и Тревор, словно остолбенев, застыли на месте.

– Тревор?

Тот вздрогнул и униженно согнулся:

– Да, госпожа?

– Крепко-накрепко запомните: я не ведьма. Я буду крайне признательна, если вы прекратите распускать обо мне подобные слухи.

Она вышла, предоставив им обоим полную свободу ругать себя за то, что так распустили свои длинные языки. Это была своего рода маленькая месть, большую она себе позволить не могла. Как ей ни хотелось отвести душу и высказать им все, что она о них думала – как они черствы, глупы, недалеки и грубы, – Лана давным-давно поняла, что с помощью упреков и яростных выпадов взывать к людскому благоразумию бесполезно, так ничего не добьешься и ничего не докажешь, такова уж, увы, человеческая природа.

Она не походила на остальных людей, это было очевидно. Если другие девушки могли кокетничать, смеяться, заигрывать с парнями, то она как ясновидящая резко выделялась на общем фоне. Девушки любили и были любимыми, тогда как ее боялись и невольно сторонились.

Другим девушкам нечего было опасаться, замирать от ужаса от мысли, что когда-нибудь наступит тот день и час, когда ее возлюбленный узнает всю правду. Когда по его глазам станет ясно, что ему все известно... И тогда он, сжавшись от страха, втянув голову в плечи, поспешно ретируется, посчитав это весьма благоразумным поступком.

Ну кто из мужчин согласится жить с такой женщиной, как она? Загадочной, обо всем знающей, – женщиной намного умнее мужа. Ей удалось сжиться с этой мыслью, но все равно было больно, и что-то в глубине души не хотело с этим мириться.

О, как ей иногда хотелось быть такой, как все!

Но она такой не была и никогда не будет.

Погруженная в свои мысли, почти ничего не замечая перед собой, Лана зашла в ближайший лес. Дойдя до знакомой полянки, где все дышало миром и тишиной, она присела на замшелое бревно. Каким наслаждением было сидеть одной в столь прекрасный солнечный день среди трав, скромных лесных цветов и еле слышно шелестящих зеленых листьев! Красота окружающего мира всегда исцеляла ее истерзанную душу.

Обидный, оскорбительный разговор, невольно подслушанный на конюшне, вместе с темным осадком, оставшимся после ночного сновидения, лишил ее душевного равновесия.

Зеленые кроны деревьев не слишком задерживали солнечные лучи, но ветерок смягчал жару, принося из леса прохладу. Птичий гомон, шорохи и звуки, издаваемые лесными обитателями, убаюкивали. Кругом текла вечно юная, радостная жизнь, она играла всеми возможными красками, звучала всеми звуками, и Лана начала ощущать себя частью иного мира – возвышенного и чистого.

Вдруг рядом с ней бесшумно села на бревно Лилиас. Из всех душ, с которыми она познакомилась по прибытии в замок Даннет, Лилиас нравилась ей больше всех. Она была такой приятной, спокойной и, судя и по ее лицу и по поведению, довольной своей судьбой. Хотя иногда за безмятежностью Лилиас проглядывала скрытая глубокая печаль, но она никогда не жаловалась. Лилиас вообще была немногословной, но если начинала говорить, то всегда с какой-нибудь целью.

Вокруг царила умиротворенная тишина, которую никому не хотелось нарушать. Музыка жужжащих шмелей и шелестящей листвы завораживала. Молчание несколько не тяготило ни Лану, ни Лилиас, они понимали друг друга без слов.

Вдруг в их маленьком мирке что-то нарушилось, тревога и волнение охватили сперва Лилиас, а потом и Лану. Перед глазами Ланы возникло смутное, пугающее видение – это был обычный способ общения между духами, – и от того, что она увидела, по ее спине пробежал холод.

Ребенок. Над ним нависла опасность. Он тонет.

Сердце Ланы подпрыгнуло и забилося быстро-быстро, она тут же вскочила со своего места. Девушка бросилась в лес. Казалось, воздух насквозь пропитался тревогой, от которой нельзя было отмахнуться. Лилиас была права. Кто-то точно попал в беду. Раздался чей-то испуганный крик, и в тот же миг Лана, выбежав из леса, оказалась на берегу лесного озера и замерла, пораженная открывшимся зрелищем. Беспокорство и волнение тут же сменились злостью.

В воде барахталась девочка, а на берегу стояла группа мальчишек, которых испуг девочки явно забавлял. Но хуже и страшнее было то, что они намеренно не давали ей выбраться на берег. Как только ей удавалось за что-нибудь зацепиться, они спихивали ее обратно в воду. Крики напуганной до смерти девочки подхлестнули Лану.

Девочку звали Фиона. Она была сиротой и жила в замке Лохланнах вместе с другими такими же несчастными детьми, потерявшими родителей. На ее долю и так выпало много несчастий, унижений и страданий, и в дополнение ко всему – издевательская и смертельно опасная мальчишеская забава. Фиона барахталась из последних сил.

Как только Лана поняла, какую игру придумали жестокие мальчишки, злость уступила место ярости. Мальчишки откровенно издевались над маленькой Фионой, кто-то из них удерживал голову девочки под водой, позволяя ей иногда вынырнуть на поверхность, чтобы насла-

даться ее испуганными криками. Страх девочки казался им смешным. И они смеялись, да, да, они еще и смеялись!

В детстве Лана чуть было не утонула, и она на всю жизнь запомнила тот ужасный страх, который ее охватил, когда вместо воздуха в легкие потекла вода, и так захотелось дышать, дышать во что бы то ни стало...

А злые и жестокие мальчишки превратили это в забавную, как им казалось, игру, выбрав в качестве игрушки беззащитную кроткую Фиону. Забыв свой страх, Лана очертя голову бросилась в озеро. Хотя стояло лето, вода была холодной, почти ледяной.

– Джон Робин, – закричала Лана, чувствуя, как от захлестнувшей ее ярости согревается кровь, – что ты делаешь?

Мальчишка вскинул голову и отшатнулся, при этом движении он выпустил из рук Фиону. Вынырнув, девочка с жадностью вдохнула воздух открытым ртом. Лана, идя по грудь в воде, подхватила Фиону на руки и, совершив последнее героическое усилие, выскочила с ней на берег. Мальчишки, увидев ведьму, бросились врассыпную.

Ошарашенный Робин хотел было последовать примеру его приятелей, но в последний миг Лана схватила его за воротник. Нет, так легко он от нее не отделается!

– Ты хоть иногда думаешь, что творишь? – с угрожающим видом глядя прямо ему в лицо, спросила Лана. У Робина душа ушла в пятки, на его лице застыла глупая растерянная улыбка, уже ничуть не похожая на тот издевательский веселый смех, который вырывался из его рта минуту назад.

– Пусти меня, – проворчал он, пытаясь вырваться.

Лана приблизила к нему свое лицо вплотную – так, что ее горячее дыхание коснулось его щеки.

– А ты знаешь, что сейчас думает обо всем этом твоя мать? – звенящим от напряжения голосом прошептала она.

Мальчишка вздрогнул, побледнел и весь задрожал от страха. Благодаря своим способностям Лана могла вызывать в душах людей суеверный ужас. Она редко пускала в ход свое оружие, но когда надо было поставить на место зарвавшихся негодяев, не грех было напомнить им о страхе божьем.

– М-моя м-мать, – запинаясь, произнес Робин, – она же умерла.

– А разве ты забыл, что она смотрит на тебя с небес? Ты забыл, что она видит все, что ты делаешь?

Робин чуть шевелил побледневшими губами, не в силах вымолвить ни слова.

– Как тебе не стыдно, Джон Робин, издеваться над такой слабой, беззащитной девочкой, как Фиона?! На ее долю и так выпало слишком много страданий!

Фиона обвила тонкими ручками шею своей спасительницы.

– Не бойся, маленькая, все позади. А ведь все могло кончиться скверно, Робин.

– Мы всего-навсего играли, – проблеял Робин. Боже, он и правда считал это игрой!

– Ты что, не понимаешь? Ты же мог утопить ее!

– Нет...

– Конечно, нет, потому что я поспела вовремя. – Лана опустила Фиону на землю, но девочка никак не хотела отпускать шею своей спасительницы. – А что было бы, если бы вы все-таки ее утопили? Ведь пришлось бы всю жизнь носить этот грех. Что было бы тогда с твоей бессмертной душой?

Робин опустил голову, вид у него при этом был раскаивающийся. Но этого казалось мало. Лана наклонилась и посмотрела ему в глаза.

– Если когда-нибудь мне станет известно, что ты опять мучаешь эту девочку, то заруби себе на носу, тогда я не буду больше шутить, и ты так легко, как сейчас, не отделаешься.

Трясаясь от страха, Робин втянул голову в плечи.

– Ты все понял?

– Да, да, – промямлил он, испуганно взглянул на Фиону, затем на Лану и, развернувшись, со всех ног бросился к замку.

Лана ласково обняла дрожащую от холода девочку и отбросила с ее лица мокрую прядь:

– Не бойся, маленькая, все уже позади.

– С-спасибо, – прошептала Фиона, крепко прижимаясь к своей спасительнице.

– Бедняжка, как же ты, наверное, перепугалась! – Чтобы хоть немного ее согреть, Лана потерла рукой спину девочки. – Кажется, и тебе, и мне следует как можно скорее переодеться во что-нибудь сухое. Как ты думаешь? – улыбнувшись, проговорила она. – А для этого нам надо побыстрее попасть в замок.

Фиона закивала в знак согласия, потом задумчиво спросила:

– Мальчишки очень нехорошие. Почему они такие плохие?

– Ты ошибаешься, они совсем не плохие. Они так ведут себя, потому что боятся. Им просто страшно, понимаешь?

– А почему им страшно? – удивилась Фиона.

– Ну их страшит одиночество, они боятся будущего, так как неизвестно, что их там ждет. Да мало ли чего. Люди так устроены. Все мы чего-нибудь боимся.

Фиона робко улыбнулась, чем растрогала Лану до глубины души, а затем простодушно спросила:

– А ты чего боишься?

Лана невесело рассмеялась:

– Всего.

Хотя бы купания в холодном озере. Но напоминать маленькой девочке о только что пережитом ею ужасе не хотелось.

– И я, – вздохнула Фиона.

– А раз ты боишься всего, значит, тебе не бывает по-настоящему страшно. Понимаешь?

В широко раскрытых глазах девочки застыло недоумение, затем в них что-то промелькнуло, и она согласно закивала головой.

Дойдя до замка, Лана сразу направилась на кухню, где можно было обогреться и чем-нибудь подкрепиться. Уставшие, замерзшие, проголодавшиеся, они с Фионой набросились на остывшие лепешки, запивая их горячим чаем. Оставив уже согревшуюся и наевшуюся Фиону на попечении сердобольной Мораг, которая кудахтала над бедной девочкой, как наседка над цыпленком, Лана поднялась к себе, чтобы переодеться.

Едва она подошла к лестнице, как откуда-то сбоку вышла Ханна, целиком погруженная в свои мысли, причем явно невеселые. Она была чем-то очень взволнована и поэтому не сразу заметила Лану. Едва не столкнувшись с сестрой, она остановилась, еще не очнувшись от глубокой задумчивости.

– А, это ты, Лана. – Ханна, наконец, узнала сестру и тут же страшно удивилась, увидев ее насквозь мокрое платье. – Что случилось?

– Ничего особенного. Немного прогулялась... – Лана запнулась, отряхнула юбку и продолжила: – ...по пояс в воде в озере.

– Боже, с тобой все в порядке? – Ханна знала, как сильно Лана боится воды и почему.

– Со мной все в порядке, но мне хотелось бы, чтобы Даннет как следует поговорил с Джоном Робинем. Он пытался утопить Фиону. Глупая и жестокая выходка.

– Ах он стервец!

– Тут необходима жесткая рука.

– Чтобы хорошенько его выпороть.

Лана прыснула со смеху.

– Я передам Даннету, рука у него тяжелая, как раз то, что надо. – И Ханна опять нахмурилась. Ее явно что-то беспокоило, только слепой мог не заметить ее озабоченности.

Как Ханна ни пыталась пересилить себя, внутренняя тревога сводила на нет все ее притворство. Лана осторожно взяла ее под руку и повела к себе в спальню.

– Ты мне скажешь, что тебя тревожит? – немного помолчав, спросила она.

– С чего ты взяла? – в явном замешательстве отозвалась Ханна.

Ланаostroила насмешливую гримасу, как бы давая сестре понять, что хитрить с ней бесполезно. Пускай еще раз убедится в ее проницательности. Уж кому-кому, а Ханне следовало знать, что от нее ничего нельзя утаить.

– Хорошо, – тяжело вздохнула Ханна и, тряхнув головой, продолжила: – Даннет разговаривал с герцогом Кейтнессом.

У Ланы сразу стало тяжело на сердце. Она никогда не видела герцога, но, судя по слухам, их могущественный господин скорее был самодовольным, эгоистичным хлыщом, чем настоящим вождем клана, для которого интересы клана важнее любых светских развлечений. Герцог предпочитал Лондон Шотландии, а праздную жизнь светского мотылька – нелегким заботам правителя. О нем шла дурная слава, но если у жителей Кейтнесса и оставались какие-то надежды, то по возвращении герцога домой они очень быстро улетучились. Увы, его намерения нисколько не шли вразрез с их дурным мнением о нем, а напротив, лишь подтверждали их самые мрачные опасения. В прошлом месяце Даннет ездил к герцогу в замок Акерджил, и от поездки у него осталось неприятное впечатление. Герцог то ли предложил, то ли повелел освободить землю от арендаторов – для того, чтобы заняться разведением овец. Даннет пришел от услышанного в ужас. Тысячи согнанных с земли людей в один миг превращались в обездоленных бедняков. Скорее всего, многие из них умрут от голода и лишений. На юге уже имело место подобное нововведение, несчастная мать Фионы стала одной из его жертв.

Похожие, бесчеловечные по своей сути планы герцога Кейтнесса вызывали страх.

Разумеется, Даннет наотрез отказался.

Никто из лэрдов, у которых сохранилась совесть, добровольно не согласился бы на подобный шаг.

Однако все остальные предпочитали немного подождать и посмотреть, как отреагирует герцог на сопротивление Даннета. Судя по выражению лица Ханны, решение, принятое герцогом, не предвещало ничего хорошего.

– Что хочет герцог? – осторожно поинтересовалась Лана.

Лицо Ханны стало совсем мрачным, и Лана насторожилась еще сильнее.

– Он едет, – прошептала Ханна. – Едет к нам.

Застыв от мрачного предчувствия, Лана молча смотрела на сестру. Она уже знала, чем им всем грозит приезд герцога.

С его появлением наступал конец их спокойной тихой жизни. Что могло принести им прибытие герцога? Одни лишь страдания и несчастье, больше ничего.

Глава 3

Лахлан пришпорил своего скакуна, и тот понесся стрелой. Сзади раздался сердитый крик Дугала, который просил убавить скорость, но Лахлан не обратил на него никакого внимания. В ответ на предложение Лахлана выйти из кареты и проехаться верхом кузен, который отнюдь не был любителем верховой езды, страдальчески сморщился, но все же согласился. Дугал трясся в седле, словно мешок с картошкой. Судя по всему, к концу пути он должен был крепко отбить себе зад. Скорее всего, сидя вечером за столом, ему придется морщиться от боли.

От этой мысли, хотя в ней не было никакого злорадства, Лахлан повеселел и широко улыбнулся. Его охватило давно забытое чувство беспричинной радости, он буквально упивался им.

Внизу мелькала земля, ветер свистел в ушах, сердце билось в унисон со стуком копыт, скорость и ощущение полета опьяняли. Невыразимо прекрасное ощущение свободы переполняло сердце и душу.

День как будто нарочно был создан для езды верхом. Стояла чудесная солнечная погода, дул слабый ветерок, приносящий с собой запах моря, он приятно охлаждал лицо и ерошил волосы на голове. Высоко в прозрачной синеве неба, оглашая окрестности резкими заунывными криками, парили две-три пустельги. Иногда Лахлан запрокидывал голову и с завистью смотрел на птиц. Как ему хотелось посмотреть на мир с высоты птичьего полета! Свободно парить, не думая ни о чем, не будучи обремененным земными заботами!..

Хотя он все-таки парил над землей. Рэбел, его конь, словно стелился по воздуху, без всяких усилий отталкиваясь от земли. Вне всяких сомнений, он разделял радость хозяина от быстрой езды, Рэбел словно пытался наверстать упущенное за дни вынужденного простоя в конюшне. По возвращении домой Лахлан, энергично взявшийся за управление поместьем, почти забыл о своем верном друге, а ведь в Лондоне они каждый день совершали верховые прогулки по Гайд-парку. Сейчас Рэбел был счастлив не менее, чем его хозяин. И конь, и человек наслаждались солнечным днем, свежим воздухом, свободой...

Впервые за долгое время Лахлан чувствовал себя живым. Это было почти забытое, а возможно, и вовсе впервые настолько острое ощущение. Как это прекрасно – очутиться у себя дома и снова стать самим собой! Как ему хотелось, чтобы это мгновение продолжалось и продолжалось. Увы, удержать надолго его не удалось.

На закате он добрался до гостиницы в местечке Хау. Когда в ворота, наконец, въехал Дугал, конюхи уже успели расседлать и почистить Рэбела. Карета с вещами прибыла уже в полной темноте.

Увидав Лахлана, Дугал сполз с коня. Но занемевшие ноги не выдержали веса тела, и он, пошатнувшись, упал, приземлившись прямо на задницу.

Картина была очень смешной. Но Лахлан, подавив смех, чтобы не обидеть кузена, поспешил ему на помощь.

– Хороший был день, – сказал он, помогая Дугалу встать с земли. – Не правда ли, здорово проехались?

Дугал кисло поморщился:

– День действительно прекрасный. Но он был бы еще лучше, если бы мы ехали в карете, а не летели с риском сломать шею.

– В карете душно, – возразил Лахлан.

Более того, он хорошо знал кузена, и у него не было ни малейшего желания весь день слушать его бесконечное нытье по поводу того, что они уехали из Акерджила.

С точки зрения кузена, ему как герцогу не было ровно никакой необходимости мчаться в Даннетшир, логово коварного Даннета, с целью навести там порядок. По твердому убеждению Дугала, достаточно было письма с повелением Даннету снова явиться в Акерджил.

Но Лахлан был упрям, как черт. Решив что-нибудь, он крайне неохотно менял свое мнение. Более того, за прошедший день решимость выбить из Даннета строптивость и уничтожить мятеж в зародыше лишь возросла.

– Как хорошо и покойно ехать в карете, – промямлил Дугал, с явной опаской поглядывая на Рэбела, словно на страшное чудовище из преисподней.

– А мне больше по душе простор и свежий воздух, – не согласился Лахлан. – Кроме того, Рэбелу тоже нужно как следует размяться.

– Этот конь слишком опасен, – настаивал Дугал.

Что за глупости? Лахлан удивленно уставился на кузена, ведь Рэбел подходил для него как нельзя лучше.

– Это же настоящий зверь! Он упрям и своенравен, как черт, и того и гляди сбросит вас с седла.

Что за чушь! Если кто действительно упрям и своенравен, так это не Рэбел, а он, Лахлан. Более того, ему нравилось быть самим собой. Сознывая свое превосходство, он, улыбнувшись, похлопал кузена по плечу и подал поводья его лошади подбежавшему конюху.

Не оглядываясь назад, Лахлан быстрыми шагами пересек двор и взбежал на крыльцо гостиницы. За день он устал и проголодался и уже предвкушал горячий ужин и теплую постель. Слуга, заранее посланный Маккинни, известил хозяина гостиницы, дабы тот все подготовил к приезду герцога.

В гостиной, кроме него, находилась семейная пара, муж с беременной женой. Лахлан замедлил шаги. Как ни отгонял он мысль о простом человеческом счастье, она неуклонно его преследовала, возникая каждый раз абсолютно неожиданно.

Семья, дети. Как он мечтал о них! Увы, для него это были несбыточные мечты. У него никогда не будет ни жены, ни детей. Никогда он не испытает той любви, которая светилась в счастливых глазах этих людей. Он даже на миг им позавидовал.

Но сейчас на лицах как мужа, так и жены также явственно проступало смешанное с усталостью отчаяние.

– Сэр, умоляю вас, неужели вы не видите, – хватая хозяина гостиницы за рукав, сердито воскликнул муж. – Неужели у вас не найдется хоть какой-нибудь комнаты для нас?

Хозяин отрицательно замотал головой.

– Ну хотя бы для моей жены, – в отчаянии взмолился мужчина, видя, что его жена вот-вот расплачется.

– Нет, у меня ничего для вас нет. Все занято, – отрезал трактирщик в привычной для него грубой манере. – Если хотите, можете переночевать на конюшне.

Черствость трактирщика неприятно задела Лахлана. Представив, как женщина в ее положении будет спать на конюшне, он закусил губу, а потом внезапно понял, что вряд ли сможет спокойно уснуть в отведенном для него номере.

В конце концов, можно обойтись и без кровати, ему ведь немного нужно: всего лишь кров, стол и сон. Больше ничего.

Еще не понимая, что сейчас сделает, Лахлан подошел к трактирщику и неожиданно для самого себя повелительно произнес:

– Отдайте им мои комнаты.

Позади раздался жалобный голос Дугала:

– Ваша светлость, ну зачем!?

Рассердившись, Лахлан сделал ему знак замолчать.

– Да, и заодно отдайте им мой ужин.

Ошеломленный столь неожиданным развитием событий, трактирщик, растерявшись не меньше Дугала, в тон ему пробормотал:

– Ваша светлость, мы старались... жаркое специально для вас...

– Вот и прекрасно. Значит, оно приготовлено как следует.

– Ваша светлость, тогда нам нечем вас угостить, – испугался трактирщик. – Больше у нас ничего нет.

– Зато они будут довольны, – кивнув в сторону семейной пары, сказал Лахлан.

В глазах растроганной женщины сверкнули слезы. Сцена вышла слишком торжественной, а его поступок – слишком благородным. Чтобы ненароком не испортить момент, Лахлан торопливо произнес:

– Я и мой слуга переночуем на конюшне.

Дугал опять пропищал что-то нечленораздельное, не осмеливаясь открыто выразить свое неудовольствие. Последнее было весьма благоразумно. Изучив упрямый характер своего господина, он понимал, как опасно и бессмысленно ему противоречить, тем более в такой ситуации.

Ужин в общем зале оказался намного веселее и приятнее, чем они ожидали. Посетители смеялись, шутили, некоторые подходили к Лахлану и Дугалу, чтобы пожать им руки, кто-то даже играл на скрипке. Окруженные атмосферой дружелюбия и радушия, Лахлан и Дугал забыли о неудобствах, более того, в какой-то момент им стало казаться, что это самый лучший вечер за последнее время.

Лахлан вдруг перестал чувствовать свою обособленность и отчужденность.

Жизнь простых людей, как оказалось, была по-своему интересна, кроме внешней простоты и грубости, в ней имелись и свои радости.

Разыгравшаяся к ночи непогода загнала многих в гостиницу, так что спать на конюшне пришлось в большой компании. Когда Дугал начал стелить себе постель прямо на охапке сена, им опять овладело возмущение, и он недовольно забурчал, жалуясь на неудобства, казавшиеся Лахлану чем-то незначительным. Не вступая с кузеном в спор, он весело хлопнул его по плечу и рассмеялся.

Он рассмеялся! Ему казалось, что он помолодел на несколько лет.

Самым невероятным было то, что этот чудесный момент наступил тогда, когда он, лежа на охапке колючей соломы, укрывшись грязноватым одеялом и вместо подушки подложив под голову скатанную куртку, просто смотрел в потолок. Порывшись в памяти, он даже не смог припомнить, когда в последний раз у него было так светло и легко на душе.

Он заснул с улыбкой на губах.

Тьма поглотила его, он как будто очутился внутри грозовой тучи, вокруг все кружилось и вращалось, засасывая его в страшный водоворот. Он уже не понимал, что с ним происходит. От страха хотелось кричать, но крик застревал в горле. Дышать становилось все труднее. Он пытался вырваться, освободиться от облепившей его плотной тьмы. Бесполезно. Он не мог даже пошевелиться.

Как обычно, в этот миг отчаянья появилась она. Она приходила на помощь в самый страшный, в самый мрачный момент, и давящий со всех сторон мрак безысходности расступался, рассеченный ярким лучом участия и любви.

Она была его ангелом.

Столь же прекрасная, с такими же золотистыми волосами, озаренная небесным сиянием, она одним своим видом вселяла надежду на перемены к лучшему.

– Иди ко мне, – шептала она, глядя на него голубыми глазами и протягивая ему свою тонкую руку. Несмотря на все усилия, ему никак не удавалось дотронуться хотя бы до ее пальца. Ни разу не удалось.

И тут опять его начинала обступать тьма, охватывая все плотнее и плотнее, затягивая все глубже и глубже. Он начинал тонуть в этом мраке, удаляясь от нее все дальше и дальше.

Никакого спасения.

Никакой надежды на искупление.

Ничего.

Ее сияние начинало таять. Она уходила все дальше, и вот он опять один. Все ужасно. Он опять гибнет. Все кончено.

И в тот миг, когда все было кончено, Лахлан очнулся. Дышать было тяжело. Он был весь в поту и все еще дрожал от страха. Чтобы окончательно проснуться, он потер лицо ладонями.

Ему хотелось плакать от злости, бессилия и отчаяния. Уже сколько лет этот кошмар, будь он проклят, преследовал его, не давая спокойно спать. Мучил, изводил его с неослабевающей силой.

Вдруг Лахлан осознал, что он не у себя в замке и не в своей спальне, а на конюшне. Более того, уже почти рассвело.

Ночь прошла. Самое удивительное, что сегодня призрак к нему не пришел. Неужели, промелькнула приятная мысль, вдали от замка призрак утрачивает свою силу? Если так, тогда он ни за что не вернется в Акерджил. Как знать, вдруг со временем прекратятся и ночные кошмары.

Но в это слабо верилось.

Лахлан осторожно, чтобы не разбудить спящего рядом Дугала, выбрался из-под одеяла, спустился с крыльца во двор и огляделся. Солнце взошло над горными вершинами, воздух казался необыкновенно прозрачным и чистым, отовсюду слышалось птичье пение. Все вокруг дышало тишиной и сонным покоем.

Утро в деревне не походило на обычное утро в Лондоне. Лондонский туман и вечная столичная суета накладывали на все отпечаток тоски, невольно вызывая меланхолическое настроение. Здесь же, на лоне природы, никакой меланхолии не было и в помине.

Наслаждаясь буколическими видами, Лахлан медленно направился к главному входу в гостиницу, из-за дверей которой уже доносился дразнящий аромат жареного мяса и яичницы. Жена трактирщика приветливо улыбнулась и без лишних слов предложила чашку горячего кофе. Ему показалось, что это не кофе, а настоящий напиток богов, такой у него был необыкновенный вкус. А затем трактирщица поставила перед ним только что приготовленный завтрак. От него шел такой аромат, что невозможно было не застонать от удовольствия.

– Ваша светлость, вам нравится? – спросила трактирщица, с довольным видом потирая руки.

– Запах просто восхитительный!

– Как приятно это слышать, ваша светлость! Мы так рады вашему приезду! Такой гость, как вы, ваша светлость, большая редкость в наших краях.

– Охотно верю.

Конечно, в сельской глуши не часто встретишь герцога, тем более здесь, в горной Шотландии.

– Вчера вы поступили очень великодушно, – продолжала болтать трактирщица, – уступив свои комнаты той бедной женщине и ее мужу.

– Как ее самочувствие?

Трактирщица радостно улыбнулась:

– Думаю, прекрасно. Ведь сейчас их там уже трое.

– Она родила этой ночью? – страшно удивился Лахлан.

– Да. Неужели вы ничего не слышали?

– Я спал, как невинный младенец, – рассмеялся он. Лахлан в самом деле ничего не слышал: ни завывания призрака, ни звона его цепей. Как же это было приятно сознавать! Пожалуй, действительно стоило почаше оставаться на ночлег в конюшне.

– Так вот, – продолжала трактирщица, – они решили назвать родившегося мальчика в вашу честь.

Лахлан вздрогнул, едва не расплескав кофе, который как раз в этот момент подносил ко рту.

– В мою честь?

– Да, – запнулась трактирщица. – Неужели вы против?

– О нет. Конечно, нет. Наоборот, я очень рад.

Его действительно очень обрадовала эта новость. Он давно смирился со своей горькой участью – с тем, что ему предстоит жить без семьи и без детей. И вот теперь только что родившегося младенца назовут его именем – в его честь. Это было очень приятно, прямо настоящий подарок!

Когда новоявленный отец спустился вниз, выглядел он измученным и уставшим, но на лице сияла улыбка в буквальном смысле до ушей. Лахлан тут же в знак признательности отсыпал ему горсть монет. Но когда тот принялся его благодарить, Лахлану стало как-то неловко. Он был обладателем огромного состояния, поэтому пригоршня монет – пустяк, по его мнению, – не стоила столь бурных излияний. Но, видимо, для этого человека это были немалые деньги. Вовремя это сообразив, Лахлан устыдился своего высокомерия, решив впредь почаше проявлять щедрость.

Вскоре к нему за стол присел Дугал. Для того чтобы уклониться от благодарностей, которым, казалось, не будет ни конца ни края, Лахлан, которому было неловко их выслушивать, под предлогом необходимости отдать перед дорогой последние распоряжения вышел во двор.

Разразившаяся днем гроза загнала Лахлана внутрь кареты, где у него было предостаточно времени, чтобы еще раз все как следует обдумать. К его чести, он сумел извлечь урок из того, что случилось с ним во время ночлега в Хау. Ему стало ясно, как много при желании можно сделать для своих подданных. А ведь раньше, живя в Лондоне, он ни о чем таком даже не задумывался. Подстегиваемый мыслью об ограниченности срока своего существования, он стремился испытать как можно больше удовольствий, благо в Лондоне их было предостаточно. Он торопился жить, срывать цветы наслаждений, искренне считая, что в этом и есть смысл жизни. В вихре лондонских балов и разных светских развлечений время текло быстро, жизнь казалась легкой, приятной. Несмотря на то что английская знать слегка задирала перед ним нос, ведь он все же был шотландцем, он считал, что ничего не может быть лучше, чем жить в Лондоне. Однако иногда, правда, очень редко, им овладевало странное, трудно объяснимое ощущение, что ему намного приятнее находиться среди его собственных лошадей, ухаживать за ними, ездить верхом, чем вращаться в лондонском свете.

Лахлану вдруг стало стыдно от мысли, что раньше он жил столь неправильно. Какой позор быть рабом своего титула и навязанных лондонским светом представлений!

Печальнее всего было то, что у него оставалось очень мало времени для того, чтобы вырваться из плена сословных предрассудков и наверстать упущенное.

Невероятно, но он никогда не радовался так, как те двое из гостиницы, которым он уступил свою комнату и подарил горсть монет. Как приятно и, главное, как просто дарить людям радость!

Кроме того, они назвали новорожденного сына в его честь...

– Вы хорошо себя чувствуете?

Вопрос Дугала прервал ход его мыслей.

– Хорошо.

– А вид у вас грустный. Как вы спали?

– Чудесно, – отозвался Лахлан.

Как ни странно, но это была чистая правда. Хотя его сон и не был спокойным, но после него осталось легкое приятное возбуждение.

– Мы скоро доберемся до Рестера. – Дугал притворно нахмурился и шутливо добавил: – Только не вздумайте опять уступить наши комнаты.

Лахлан рассмеялся.

– Нам надо там хорошо отдохнуть. От Рестера рукой подать до Лохланнаха. – Лицо Дугала стало серьезным. – Мы приедем в замок Даннета до полудня, почти не уставшими, что, учитывая предстоящий разговор, явно сыграет нам на руку.

План был и правда неплох. Но при одном упоминании имени Даннета хорошее настроение Лахлана моментально испортилось.

Неужели этот чертов Даннет вступил в сговор со Стаффордом, его заклятым врагом? Неужели Даннет подбивал к измене остальных его вассалов? От охватившей его злости Лахлан кусал губы. Сколько раз его предупреждали о коварстве шотландцев! Несмотря на это, в глубине души он не верил, что Даннет способен на предательство, как вдруг выяснилось, что вполне способен.

Ничего, он задаст ему жару. Он растопчет его, уничтожит! Если Даннет моментально не очистит свои земли, он горько пожалеет о том, что родился на свет.

Лахлан был в таком настроении, что изничтожил бы любого, кто встал бы у него на пути.

– Ваша светлость, хорошо бы побыстрее покончить с этим делом и в тот же день отправиться обратно в Акерджил.

Лахлан задумался, а потом отрицательно покачал головой:

– Нет, мы там пробудем ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы во всем разобраться.

– Хорошо, все равно это надолго не затянется. Кроме того, ваша светлость, не забывайте, вам необходимо еще многое сделать перед... – Дугал замолк, дернув плечом, но они оба прекрасно поняли, что имелось в виду. Перед его неизбежной кончиной. Лучше бы Дугал не напоминал ему о проклятии. Путешествие оказалось столь чудесным, что Лахлану удалось почти забыть о той страшной участи, которая неминуемо его ждала.

Он снова уставился в окно кареты, пытаясь возродить в душе то свежее, радостное чувство, охватившее его утром. Но, как он ни старался, ничего у него не выходило.

К ужасу Лахлана, призрак навестил его опять во время ночевки в Рестере. Привидение упрекнуло его за то, что он оставил Акерджил, и почти сразу исчезло. Несмотря на непродолжительность визита призрака, Лахлан так больше и не смог уснуть.

На следующее утро настроение у него было хуже некуда. Все его надежды на то, что во время поездки призрак от него отстанет, рухнули. Во время утреннего одевания его настроение лишь ухудшилось. В Лохланнах он должен был явиться в костюме, подчеркивающем его герцогское величие. Несмотря на то что вынужденный маскарад его раздражал, он понимал всю важность впечатления, которое должен произвести на Даннета. Оно должно быть таким, чтобы Даннет сразу вспомнил о том, что находится в подчиненном положении.

Он должен был понять, что Лахлана не стоит водить за нос, что предательства он не простит и лгать ему и опираться бесполезно.

Но фрак, жилет и больше всего галстук выводили Лахлана из себя.

Галстуки! Как же он их ненавидел! Но в Лондоне без них было никак нельзя. Если ты хотел, чтобы к тебе в свете относились с должным почтением, необходимо было повязывать галстук. И он повязывал, мирясь и с неудобством, и с требованиями этикета. Он привыкал к галстуку годами, но так и не привык.

Не лукавя перед собой, он знал, как мало от всего этого толку.

В глазах злых гарпий высшего света он так и остался шотландским герцогом, стоявшим на ступеньку, а то и на две ниже английских лордов. Несмотря на то что большую часть жизни он провел в Лондоне, и на то, что он обучался в Итоне и Кембридже, несмотря на свое состояние и герцогский титул, с точки зрения все тех же гарпий, его никак нельзя было назвать завидным женихом, достойным их дочерей. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что нежелание великосветских гарпий выдать за него замуж какую-либо из дочерей было обусловлено не столько его шотландским происхождением, сколько страхом перед проклятием, обрекавшим его на преждевременную смерть.

Но Лахлан лишь посмеивался про себя, глядя на их причуды. Человек с его происхождением не ищет себе невесту на ярмарке невест. Человек с его положением и состоянием не охотится за женой.

Несостоятельность его матримониальных планов огорчала Лахлана, но совсем по иной причине.

Все дело было... в ней. Он затруднялся сказать, почему при мысли о женитьбе перед его мысленным взором сразу возникал ее ангельский образ.

Она была видением, сном, наваждением, вызванным приемом обезболивающих лекарств. Она не существовала, и все же...

В конце пути, уже подъезжая к замку, Лахлан постарался выбросить ее из головы. Предстояла жестокая схватка, и он должен был быть во всеоружии. Мысленно прокрутив в общих чертах предстоящий тяжелый разговор, обвинения, которые он намеревался надменно и презрительно бросить в лицо Даннету, Лахлан внутренне весь подобрался.

Но все эти словесные упражнения пока не очень-то ему помогали. Толстокожие – о чем не уставал ему напоминать Дугал – шотландцы предпочитали словам дело – предательский удар в спину, яд, а то и просто могли скинуть со стен замка. И, как ни странно, многое сходило им с рук.

Когда его взору открылся стоящий на берегу залива замок Лохланнах, Лахлан был поражен. Замок поражал своими размерами, высотой стен и упиравшимися в небо серебряными шпилями. Зрелище было впечатляющим. В отличие от Акерджила, замок Даннета совсем не походил на груды грозящих обвалиться камней, и это больно задело самолюбивого Лахлана.

Когда карета въехала во двор замка, разозленный, задетый за живое Лахлан жаждал крови.

Послав к черту подготовленную им обвинительную речь, он легко выпрыгнул из кареты и замер от удивления, а потом разозлился еще больше. Даннет, как оказалось, устроил ему торжественный прием. Со всех сторон раздались приветственные крики, заиграли волынки. Во дворе замка стояла целая толпа народу, как будто Даннет нарочно согнал сюда всех слуг.

Впереди с важным и гордым видом стоял сам хозяин замка в шотландском килте. От одного лишь его вида злость Лахлана сделалась еще яростней. Ему показалось, что Даннет хотел нарочно его уколоть, намекнуть на то, как на самом деле должен одеваться настоящий шотландец.

Даннет был высокого роста, выше, чем Лахлан, и уже благодаря этому производил внушительное впечатление, а развитые мышцы и суровый вид только усиливали создаваемый эффект. Он не просто казался, он был настоящим воплощением дикой Шотландии. Темные длинные волосы, резкие черты лица и глубокий шрам на одной щеке довершали картину. Карие глаза смотрели на Лахлана серьезно и внимательно.

Открытый честный взгляд Даннета невольно подкупал своей искренностью. Казалось, человек с такими глазами не способен на обман и предательство. Один лишь его взгляд, не говоря уже обо всем облике Даннета, внушал доверие. Его обаяние подействовало на Лахлана

точно так же, как и при первой встрече, но сейчас Лахлан поспешил себя одернуть, мысленно напомнив себе, что уже один раз попался на эту удочку.

– Ваша светлость, добро пожаловать в мой замок, – произнес Даннет.

Затем он представил свою жену. При взгляде на нее на душе у Лахлана стало тоскливо, он ощутил укол зависти. Хрупкая, нежная, она очень гармонично смотрелась рядом с мужем.

То, о чем так мечтал Лахлан, то, чего он был лишен, так легко досталось этому человеку. Это было несправедливо. Но, увы, такова жизнь, в ней нет места справедливости.

Леди Даннет казалась абсолютно равнодушной к визиту герцога. Хотя раз или два она мельком посмотрела на гостя, словно устаивая его вниманием.

Черт бы побрал этих надменных шотландцев вместе с их женами! Поди узнай, что скрывается за их притворной почтительностью.

Пожалуй, прав Дугал, уверявший его, что от шотландцев можно ожидать чего угодно, им ничего не стоит или убить его во время сна, или отравить.

– Прошу вас пройти в замок. Думаю, вы проголодались в пути. Для вас готово скромное угощение. – Леди Даннет махнула рукой в сторону дверей и слегка улыбнулась тонкими губами. Лахлану ее улыбка показалась по-змеиному коварной.

«Ого, будь начеку, Лахлан, – мелькнула мысль. – Как знать, не отравлено ли угощение».

Он быстро посмотрел на Даннета, как бы желая убедиться в справедливости своих подозрений, но на его невозмутимом лице ничего нельзя было прочесть.

– Мне надо немедленно с вами переговорить, – резко, почти отчеканивая каждое слово, произнес Лахлан. Он ни за что не желал откладывать неприятный разговор.

Лицо леди Даннет тут же изменилось, она быстро заморгала, губы слегка задрожали. Его явное нежелание быть сразу отравленным, очевидно, ее расстроило.

– Не хотите ли пройти в ваши комнаты, чтобы привести себя в порядок после дороги? – не унималась леди Даннет, видимо, все еще рассчитывая, что он позволит себя отравить.

– Нет, – отрезал Лахлан и, кивнув Даннету, спросил: – Нет ли у вас какой-нибудь комнаты, где можно было бы поговорить с глазу на глаз?

От такой напористости Даннет слегка растерялся, но, быстро придя в себя, ответил:

– Да, конечно, есть. Можно побеседовать в библиотеке.

Молча они вошли в замок. Лахлан шел следом за хозяином, все сильнее и сильнее распаляясь при мысли о предательстве Даннета. Перед глазами Лахлана мелькали красные точки, он находился в таком состоянии, что готов был выплеснуть свой гнев на кого угодно.

Но первым, на кого излился его гнев, был не сам Даннет, а его жена. Она шла следом за ними, по-видимому, намереваясь присутствовать при их откровенной беседе. Чего она, женщина, вздумала лезть в мужские дела?! Ей что, больше делать нечего?! Занялась бы лучше вышиванием или просто попила бы чайку.

У дверей библиотеки Лахлан обернулся к ней и надменно произнес:

– Леди Даннет, вы хотите взять что-то почитать?

Она вспыхнула, покраснела и, молча поклонившись, быстро удалилась.

Вот и хорошо. Откровенный мужской разговор не предназначался для нежных женских ушей.

Войдя в библиотеку, Лахлан, словно хозяин, уселся за большой письменный стол, тогда как Даннет сел на стул напротив. Однако Даннет держался спокойно и уверенно, не выказывая ни малейших признаков трусости. Разговор обещал быть нелегким, и нервы Лахлана напряглись до предела.

Вошел слуга с иссеченным шрамами лицом. Поставив на стол поднос с виски, он бесшумно удалился. Лахлан подозрительно посмотрел на свой стаканчик, вдохнул запах виски и тут же вспомнил Дугала, не раз предупреждавшего его об особом пристрастии шотландцев к яду – мол, именно так им нравится убивать своих врагов. Он не стал брать стаканчик в руки.

Чуть ослабив галстук, Лахлан наклонился вперед и самым серьезным, едва ли не зловещим тоном произнес:

– Вы даже не представляете, Даннет, насколько вы меня расстроили.

И тут Даннет сделал то, от чего Лахлан опешил. Он улыбнулся. Да, да, как ни в чем ни бывало улыбнулся своей подкупающей улыбкой.

– Расстроил, ваша светлость?

На этот раз улыбка Даннета подействовала на Лахлана, как пощечина, он разозлился донельзя. Как же ловко этот человек притворяется! Спасибо Олригу за то, что раскрыл ему глаза. Ну, погоди, Даннет, скоро ты запоешь по-другому...

– Во-первых, вы не выполнили мой приказ очистить землю от арендаторов. Более того, вы отказались его выполнять.

Глаза Даннета сузились.

– Да, отказался. И не собираюсь это делать.

Лахлан машинально сжал руки в кулаки. Неслыханная дерзость – не только отказаться выполнить его приказ, но и откровенно в этом признаться.

– Вы обязаны мне повиноваться. Это ваш долг.

– Прежде всего я должен заботиться о моих людях, защищать их интересы. Вот мой главный долг. – Даннет наклонился вперед. – И ваш тоже. Это завещано нам предками. Это нерушимая клятва.

Клятва перед нашими предками? Лахлан смотрел на Даннета, раскрыв от удивления рот. А что, если Даннет прав? Наверное, его предки не навешают его по ночам, не изводят настойчивыми просьбами, мольбами о помощи: спасти их бессмертные души, избавить от вечных мук в аду.

Лахлану достался тяжкий крест, и он безропотно его нес. Его решение непоколебимо: он во что бы ни стало восстановит родовое гнездо, и тогда души его предков обретут долгожданный покой.

Сил и желания у него было предостаточно, хотя времени оставалось все меньше и меньше.

Видя замешательство герцога, Даннет принялся развивать свою мысль:

– Я твердо убежден: подобные нововведения – явное зло, они разорят жителей графства. Более того, они грозят погубить Шотландию.

Лахлан заерзал на своем месте. Неужели ему уже читают нотации?! Похоже, Даннет слишком много о себе возомнил.

– Мне нужны деньги, больше тут не о чем говорить.

– Вам нужны... деньги?

Да, деньги. Что здесь удивительного? И вообще, к чему эти лишние вопросы? Впрочем, если объяснить Даннету, зачем он сгоняет с земли мелких арендаторов, то, возможно, Даннет лучше поймет, что им движет.

– Я намерен отремонтировать Кейтнесс перед тем... Короче говоря, как можно скорее.

– А сколько вам нужно?

– Речь идет не об этом, – слышалось из-за спины Лахлана ворчание Дугала.

– Совершенно верно. – Лахлан был полностью согласен с Дугалом. – Дело в том, что я недоволен вами, Даннет.

– Ваша милость, видите ли, сгоняя с земель...

Лахлан чуть не задохнулся от негодования. Его перебивают, да еще несут всякую чушь! Нет, пора открыть этому подлому предателю, почему он так им недоволен.

– Подлинная причина моего недовольства вами, Даннет, совсем иная.

Барон в недоумении откинулся на спинку стула; его поразил холодный гнев, прекрасно различимый в интонации герцога.

– Какова же эта причина, ваша светлость?

– Неужели вы думали, что я ни о чем не узнаю? – спросил он ледяным тоном, сверля взглядом лицо Даннета.

– О чем же вы узнали?

– О вашей измене, – резко вставил Дугал.

Лахлан недовольно мотнул головой, делая ему знак не лезть ни в свое дело. Ему не нужна была ничья помощь.

Он опять пристально посмотрел в глаза Даннету, но в них не было ни тени страха. Именно это и вызывало у Лахлана наибольшее раздражение.

– Вы мне очень нравитесь, Даннет.

Лахлан не притворялся, Даннет действительно ему нравился, но предательство – это не лезло ни в какие ворота.

– Как это ни странно, но мне казалось, Даннет, что мы с вами скроены из одного и того же материала. Кто угодно из моих лэрдов мог мне изменить, но только не вы. Я не сомневался в вашей верности.

– Я не изменял вам! – проревел Даннет.

Лахлан стиснул зубы.

– Не надо мне лгать. Мне известно о том, что Стаффорд пытается переманить моих баронов на свою сторону. Мне было очень больно и горько, когда я узнал о вашей встрече с его сыном. Меня буквально сразила эта весть.

– Мы случайно встретились в гостинице, – задыхаясь, с трудом прохрипел Даннет. – Ни о чем таком мы не говорили. Это какая-то чепуха. У меня и в мыслях не было вставать на сторону Стаффорда.

Слова Даннета прозвучали настолько искренне, что в них невозможно было усомниться. И опять Лахлан почти поверил ему, но только почти.

Он машинально застучал пальцами по столу:

– По словам Олрига, все обстоит иначе.

– Ах, Олрига! – багровея от гнева, проревел Даннет. Ноздри его задрожали, а глаза яростно засверкали.

«Не напугаешь. Я сам кого хочешь напугаю», – подумал Лахлан и тут же прорычал в ответ не менее страшно:

– А разве не вы созвали моих баронов, чтобы на этой встрече попытаться переманить Олрига и Скрастера на сторону Стаффорда?

– Ничего такого не было и быть не могло.

Конечно, Даннет отпирался, но в его словах слышалось столько страсти, что Лахлан вдруг задумался; а что, если его... намеренно ввели в заблуждение. Кэмбелл не раз предупреждал его о коварстве шотландцев. Если лэрды – крупные землевладельцы – сражались за большие куски земли, то бароны – их вассалы, руководимые мелкой завистью и злобой, – могли преследовать куда менее значительные цели. Не поторопился ли он, поверив Олригу на слово.

– По словам Олрига, все обстоит иначе, – пробормотал Дугал.

Постоянное вмешательство кузена начинало раздражать Лахлана. Он бросил ему взгляд, означавший только одно – заткнись.

Даннет вдруг вскочил со стула и, упершись кулаками в стол, решительно заявил:

– Олриг – вонючий козел.

– Из-за этого стоило пускать в ход кулаки? А может, вы избили его в кровь, потому что он грозил раскрыть ваш подлый план?

– Это не мой план.

– Ага, значит, вы признаете свою причастность? – воскликнул Дугал. Он опять лез не в свое дело.

Лахлан резко обернулся и так на него посмотрел, что кузен невольно попятился назад. Даннет, напротив, чуть надвинулся.

– Ничего я не признаю, – с холодной яростью, отчетливо и громко сказал он.

От его низкого тембра по спине Лахлана побежали мурашки. Такое натуральное негодование, такую неподдельную ярость невозможно было сыграть.

– Что бы вам ни наговорили обо мне, запомните, у меня даже в мыслях не было встать на сторону Стаффорда. Олриг – это совсем другое дело. Честно говоря, это он сам подстрекал меня, склоняя к тому, в чем сейчас вы меня обвиняете.

Черт!

В голове Лахлана вдруг все перевернулось. Эмоции быстро сменяли одна другую: удивление, недоумение, негодование. И так, если Даннет не обманывает, тогда лжет Олриг, в таком случае Олриг дважды негодяй – как предатель и как низкий лжец. Кому же верить? Внутренний голос подсказывал: надо верить Даннету, но раздражение и недовольство, вызванное категорическим отказом выполнять его приказ, мешали к нему прислушаться. А вот Олриг действительно другое дело. Он послушно согласился очистить свои земли от арендаторов. Ладно, надо будет как следует разобраться в этом деле, но это потом. А сейчас, кем бы ни был Даннет, но без его поддержки никак нельзя обойтись.

Лахлан молча смотрел в суровое лицо Даннета, отмечая, что его возмущение постепенно гаснет.

– Вы говорите, Даннет, что остались мне верны.

– Да, ваша светлость, я верен вам.

– Ну, раз так, тогда почему вы не хотите пойти мне навстречу и выполнить мои пожелания?

– Пожелания? Какие пожелания, ваша светлость?

– Ну, хорошо, будем считать их ультиматумом, если вам так больше нравится. – Лахлан притворно улыбнулся.

Даннет прищурился и напрягся, машинально стиснув руки в кулаки.

– И что это за ультиматум?

– Ничего особенного. Вы либо стгоняете с вашей земли арендаторов, либо лишаетесь и титула, и собственности. Понятно?

– Простите, нет.

Лахлан стиснул зубы.

– Очистите ваши земли, или за вас их очистит другой назначенный мной барон.

От удивления Даннет раскрыл рот. Лахлан нанес удар невероятной силы, возражать было бессмысленно. Лицо Даннета искривилось от боли. Лахлану стало неловко, не стоило так резко рубить с плеча. Ему надо было вести себя чуть дипломатичнее – хотя бы позволить Даннету сохранить чувство собственного достоинства.

К сожалению, для подобных игр у Лахлана не было ни времени, ни желания, а также никакой жалости. Ему требовалось, и как можно скорее, его согласие, а Даннет явно не хотел соглашаться. Но в этот момент, как и при первой их встрече в Акерджиле, Даннет вскочил и, не говоря ни слова, выбежал из библиотеки.

Вскоре в библиотеку зашел мрачного вида управляющий, чтобы провести Лахлана в отведенные для него в западном крыле замка покои. Но у Лахлана не было особого желания сидеть взаперти, его тянуло на воздух, хотелось привести мысли в порядок. Для прогулки он выбрал сад, что оказалось ошибкой, потому что там он встретил жену Даннета, которую точно так же, как и его, их встреча нисколько не обрадовала.

– Леди Даннет. – Он склонился в галантном поклоне.

– Очень приятно, ваша светлость. – Она не говорила, а выплевывала слова, стараясь не смотреть ему в лицо. Тем не менее момент был очень удобным, и Лахлан решил расспросить ее о муже, намереваясь как можно больше о нем узнать. Его мучил вопрос, кому верить: Олригу или Даннету, – хотя он прекрасно понимал, что она постарается обелить мужа в его глазах, но ему было интересно, как именно она станет это делать.

подавив первое желание как можно быстрее от него уйти, леди Даннет, видимо, понимая всю важность начавшегося разговора, принялась откровенно рассказывать о ее муже. Беседа оказалась интересной, содержательной и полезной для обеих сторон.

Не было ничего удивительного в том, что она постаралась убедить Лахлана, что ее муж ему верен, а также укрепить его подозрения насчет Олрига. Услышав о том, что Олриг обвиняет ее мужа в предательстве и жестокости, она буквально вспыхнула от негодования. Оказалось, что леди Даннет присутствовала при встрече ее мужа с сыном Стаффорда в гостинице, и, по ее словам, ни о каком заговоре против Лахлана речь там не шла. Кроме того, она видела, как ее муж поссорился с Олригом, но всему виной был Олриг.

Леди Даннет так горячо, так искренне встала на защиту своего супруга, что ей невозможно было не верить. Лахлан даже позавидовал Даннету, который нашел настоящую любовь, обретя в жене заодно и верного и надежного друга.

Яркая, интересная, умная, энергичная, Лахлан был приятно удивлен, – бывают же на свете такие женщины! Она не просто отстаивала интересы мужа, она имела свою собственную точку зрения, считая огораживания земель непоправимым злом.

В порыве откровенности леди Даннет о многом отзывалась нелицеприятно, ей не понравился его наряд, и она откровенно указала, почему именно. Более того, она имела мужество сознаться, что подслушивала их разговор в библиотеке, о чем Лахлан уже догадался, но подобная откровенность только укрепила его симпатию к ней. Если в самом начале их беседы Лахлан испытывал явную неприязнь к леди Даннет, как и она к нему, то ближе к концу их взаимная неприязнь исчезла, а их отношения приобрели доверительный и теплый характер.

Все испортил Дугал, который несвоевременно и бестактно нарушил их разговор тет-а-тет.

– Ваша светлость, – воскликнул он. – Где я вас только не искал! А вы здесь!

– Я гулял по саду. После душной кареты мне захотелось подышать свежим воздухом.

По правде говоря, за время поездки Дугал настолько надоел Лахлану, что он уже не знал, как от него отделаться. Дугал ходил за ним буквально по пятам и все шептал о предательстве среди баронов и зреющем заговоре, постоянно ныл, что напрасно они уехали из Акерджила и хорошо бы поскорее туда вернуться.

Иногда кузен из-за его угрюмого характера и вечно мрачного настроения представлялся Лахлану посланником темных сил, и Лахлану хотелось сказать ему, как он его достал. Сейчас это желание сделалось практически нестерпимым.

Заметив, с каким недовольством смотрит на него герцог, Дугал с наигранной заботой спросил:

– Хорошо ли вы себя чувствуете, ваша светлость?

– Хорошо, очень хорошо, – отозвался Лахлан и, стремясь побыстрее сменить тему, махнул рукой в сторону простиравшегося до самого горизонта моря: – Что скажете, Дугал? Не правда ли, красивый вид?

Дугал исподлобья взглянул на морскую гладь и пробурчал:

– Это всего лишь вода.

– Да, но вид просто потрясающий, разве не так?

– Ваша светлость, вы слишком возбуждены. Вам надо отдохнуть.

Слова, их высокомерно-покровительственный тон, наконец, сам Дугал вызвали в Лахлане такую вспышку раздражения, что он с трудом удержался, чтобы не наговорить кузену

грубостей. Его остановило присутствие леди Даннет. Скрыв свой гнев за улыбкой, Лахлан хлопнул кузена по плечу:

– Ну что ж, дружище, если вы устали, то отдохните. А мне хочется немного пройтись вдоль побережья. Леди Даннет, буду рад, если вы прогуляетесь вместе со мной. – И Лахлан вежливо предложил даме руку.

Дугал посмотрел на нее сверкавшими от едва сдерживаемой злости глазами, что было весьма странно. В ответ, к немалому удивлению Лахлана, леди Даннет весело улыбнулась; ему очень понравилась ее улыбка, явно означавшая согласие.

– Я польщена, ваша светлость. – Она взяла его под руку. – Позвольте показать вам окрестности замка. Они весьма живописны.

– С превеликим удовольствием.

Обозленный Дугал остался позади. Убежав от его раздражающей опеки и не видя его мрачного лица, Лахлан вдруг почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Стояла чудесная погода. Солнце, морской воздух и очаровательная спутница – все вместе заставило Лахлана задуматься: почему он так много времени проводит взаперти? Такой образ жизни, привычный для Лондона, здесь, в Шотландии, в окружении дикой природы показался Лахлану неестественным. Ему хотелось свободы, и вдруг – в этом он боялся признаться даже самому себе – он ощутил себя свободным.

Чем дальше он уходил от Дугала, тем полнее и глубже это ощущение становилось.

Они с леди Даннет гуляли в полном молчании. Их окружал такой умиротворяющий покой, что никому из них не хотелось его нарушать. Внезапно в голову Лахлана пришла одна странная мысль, и он не выдержал:

– Леди Даннет, не ответите ли на один мучающий меня вопрос?

– Конечно, ваша светлость. Если смогу...

– Если ваш муж, по вашим же уверениям, совсем не жестокий человек, то почему он так сильно избил Олрига?

– Вы знакомы с Олригом, ваша светлость? – Она лукаво улыбнулась.

Лахлан весело рассмеялся. Конечно, Олриг ему не нравился. Неприятный и скользкий тип. Олриг явно выдавал себя не за того, кем он был на самом деле.

– Да, немного. Но все же цивилизованным людям не к лицу такое поведение. Для того, чтобы разрешить конфликт, не обязательно прибегать к грубой силе.

– Вы так уверены? – Она бросила на него быстрый взгляд. – Между нами, это трудно назвать жестокостью. Александр просто разок его стукнул. Вот и все. Более того, первым начал ссору Олриг.

– Пусть так, но драться из-за пустяков... Хм, я был лучшего мнения о моих баронах.

– Ваша светлость, шотландцы смотрят на жизнь несколько иначе, чем англичане.

– Да, я уже заметил, – усмехнулся Лахлан.

– Мы живем по другим законам. Всегда помним о наших обычаях, у них слишком глубокие корни. Да, шотландцы очень вспыльчивы, однако нам не чужды благоразумие и справедливость.

– Вы имеете в виду своего мужа?

– Да, и его тоже.

– Ну, раз так, тогда объясните, почему этот, по вашим словам, благоразумный человек, воплощенная справедливость, сломал Олригу нос?

Задетая прозвучавшей в его словах насмешкой, леди Даннет вскинула голову и направилась к конюшне, ведя за собой Лахлана.

– Сейчас сами все поймете, когда увидите.

Заинтригованный Лахлан послушно шел рядом.

Внутри конюшни было сумрачно и прохладно. После яркого солнечного света ему было сложно что-либо здесь разглядеть, но как только глаза привыкли к сумраку, Лахлан застыл в изумлении. Перед ним стоял великолепный жеребец.

Настоящий красавец! Лахлан не удержался и ласково похлопал его по морде.

– Какой прекрасный экземпляр! – пробормотал он.

– Да, это правда. У Александра есть несколько превосходных лошадей.

– Арабских кровей?

– Да, и несколько полукровок. У нас, в горах Шотландии, лошади должны быть не только быстрыми, но и выносливыми. Как вы уже, наверное, догадались, Александр занимается разведением лошадей.

Лахлану вдруг стало ужасно досадно. Сколько же общего между ним и Даннетом, а они никак не могут прийти к согласию! Если бы все складывалось иначе, они могли бы стать друзьями, но жизнь почему-то их разводила.

– Надо бы поговорить с ним об этом.

– Почему бы и нет? Поговорите. – Взяв его за руку, леди Даннет увлекла Лахлана за собой дальше, в глубь конюшни. Несколько раз ему хотелось остановиться, чтобы полюбоваться на великолепных коней, но леди Даннет не позволяла ему задержаться ни на секунду. Дойдя до самого конца, она распахнула дверь крайнего денника: – Нам сюда.

Лахлан вошел и обмер.

Сначала он просто не поверил своим глазам. Там на охапке соломы спала та самая девушка из его сновидений. Его ангел-хранитель.

Живая, во плоти.

Глава 4

Он был поражен. Видение стало реальностью.

Она была тут, рядом с ним.

И казалась еще красивее. Тонкие, одухотворенные черты лица, гладкая белая кожа, стройная, полная милого изящества фигура. Он помнил все ее изгибы и волнующие формы.

– А-а... кто это? – чуть слышно промолвил Лахлан, боясь спугнуть спящую красавицу.

– Хм, – хмыкнула леди Даннет, – это моя сестра Лана. Она, видимо, опять всю ночь ухаживала за больными собаками.

Собаки? При чем здесь собаки? Совершенно сбитый с толку Лахлан внимательнее взгляделся в сумрак денника и только тогда увидел возле девушки двух перевязанных собак.

– Бедняги. Что же с ними произошло?

– Всему виной Олриг. Вон та, что сбоку, – это сучка. Ее самым жестоким образом хлестал кнутом Олриг. Когда Александр попробовал его остановить, взбешенный Олриг замахнулся хлыстом на него, и тогда Бруид кинулся на Олрига. Но Олриг успел ударить его ножом. К счастью, удар оказался не смертельным. Обе собаки, похоже, выживут.

Лахлан сердито сдвинул брови:

– Олриг бил собак?

Он не любил хозяев, которые издевались над своими домашними животными.

– Он избил до полусмерти только одну. Но разве от этого легче?

Лахлан опустил на колени, чтобы посмотреть на раненых животных. На самом деле его интересовали не столько раны собак, сколько спящая девушка.

Только она.

Он все никак не мог поверить в то, что случилось. Он боялся, что просто грезит наяву.

Не была ли она плодом его больного воображения? Она приходила к нему во сне... А теперь пришла наяву?

Но в этот миг девушка вздохнула, пошевелилась и открыла глаза. Еще не успев в них заглянуть, он уже твердо знал, что они синего цвета. Он не ошибся. Ее глаза сверкнули блестящей синевой.

– Добрый день.

По его спине побежали мурашки. Тот самый голос. Он узнал бы его из тысячи других. От его нежного звучания у него в душе запели скрипки.

– Добрый день, – машинально ответил Лахлан.

Но тут все очарование их первой встречи нарушила леди Даннет:

– Лана, милая моя, неужели ты спала здесь всю ночь?

– А, здравствуй, Ханна. Я спросонок тебя не сразу заметила.

Баронесса сердито застучала кончиком туфли:

– Не представляю, как можно здесь спать! Прямо на сене?

Лана погладила лежавшую рядом с ней собаку:

– Ночью они спят совсем плохо. Почти все время тихонько скулят от боли.

– За ними есть кому ухаживать. Ты хоть представляешь, который сейчас час? Уже давно миновал полдень.

– Не может быть! – Широко раскрытые от изумления глаза чем-то напоминали голубые крылья чудесной бабочки.

– Еще как может, – фыркнула Ханна и сразу с тревогой спросила: – Ты, конечно, сегодня ничего не ела?

– Нет, не ела.

– Ну-ка, живо вставай и марш на кухню. – Ханна подхватила ее под руку, помогая подняться.

Лахлан нахмурился. Ну почему его так быстро лишают ее общества? Ему так хотелось, чтобы она задержалась, ну еще хотя бы на несколько минут. Хотя бы еще чуть-чуть насладиться разговором с ней. Переполнявшая его радость искала и не находила выхода.

– Леди Даннет, вы нас не познакомите? – Лахлан вовремя сообразил, что делать.

Ханна глубоко вздохнула, словно удивляясь, к чему это.

– Ваша светлость, позвольте представить вас... Лане Даунрей. Лана, это его светлость, герцог Кейтнесс.

Она окинула его удивленным и насмешливым взглядом и еле заметно улыбнулась. Ее явно что-то рассмешило. Но в его особе не было ничего смешного и быть не могло. Так почему же она улыбнулась, очаровательно наморщив свой нос?

Лана перевела взгляд на сестру:

– Он герцог?

Черт, какие могли быть в этом сомнения?! Ее вопросительно-насмешливый тон сбил Лахлана с толку. Хм, можно было подумать, ей есть с кем сравнивать! Он ведь выглядел как самый настоящий герцог. Он столько лет работал над своим имиджем и уже твердо полагал, что вошел в образ. Лахлан торопливо одернул жилет, самый что ни на есть... герцогский, затем, насколько было возможно, вытянулся вверх и расправил плечи. Он с явным удовольствием отметил, что ее одобрительный взгляд уперся в его грудь.

– Да, герцог. А что, не похож?

– Простите, ваша светлость. – Лана присела в вежливом поклоне.

– Леди Лана. – Он, снова обретая прежнюю самоуверенность, столь же вежливо поцеловал ей руку.

Леди Даннет упорно тащила сестру в замок.

– Пойдем, пойдем, – торопила она Лану.

– А как же собаки?

– Ой, что может с ними случиться?! Ладно, оставь их на попечении Нерида, и пошли.

Лана в раздумье выпятила губы, поглядывая на свернувшегося калачиком между собаками кота. Лахлану эта сцена показалась весьма странной, но понять, что именно его смутило, он не мог, так как был слишком сильно очарован девушкой.

– Хорошо, пусть Нерид остается вместо меня. Похоже, ему здесь нравится. Ты права, под его присмотром они будут в полной безопасности. Я только шепну им, чтобы они не боялись того страшного человека. Он здесь никогда не объявится.

Наклонившись к собаке, Лана ласково ее погладила. В ответ сучка благодарно лизнула ее руку.

– Я вполне понимаю их тревогу.

Лана вопрошающе посмотрела на Лахлана, как бы прося его о чем-то. От ее взгляда у него внутри что-то перевернулось.

– Вы представляете, этот жестокий человек хлестал ее, хотя она ни в чем не провинилась! Он бил ее только потому, что ему это нравилось. – Поглядывая на него, Лана трогательно улыбнулась.

Его сердце сладко защемило, то ли от жалости к собакам, то ли от нежности к этой девушке.

– Это действительно ужасно, – отозвался он дрогнувшим голосом.

Она опять улыбнулась так, как, наверное, улыбаются ангелы. Повинуясь безотчетному влечению, он придвинулся к ней. Она была так близко, в ней было столько обаяния и соблазна, что у него закружилась голова...

– Мне очень нравится ваша матушка, – прошептала Лана.

Лахлана словно обухом стукнули по голове. Он попятился назад. Может, он ослышался?
– Моя... матушка? – запинаясь, переспросил он.

– Ну да. Она такая замечательная!

Что она выдумывает? Лахлану тут же стало грустно, тошно и горько, но он поспешил все это спрятать под маской деланого равнодушия.

– Послушайте, моя мать скончалась задолго до того, как вы появились на свет.

В его глазах мать всегда выглядела бессердечной эгоисткой. Она бросила его на произвол судьбы, так что чувство обиды на нее никогда не покидало Лахлана.

Разве любящая мать бросилась бы со стены замка, напрочь забыв о своем ребенке? Оставить его одного? Без любви и заботы? В бездушном и жестоком мире?

Как вдруг – совершенно непонятно почему – леди Лана тихо усмехнулась и ласково погладила его по щеке.

Его погладили по щеке!

За всю жизнь никто и никогда не гладил его по щеке. Хоть это не лезло ни в какие ворота, но он был не только герцогом, но и человеком, поэтому ее ласка показалась ему чудесной.

– Я знаю, – ответила Лана и, повернувшись, вместе с сестрой пошла к выходу из конюшни.

Лахлан смотрел ей вслед с раскрытым от удивления ртом, в голове его царил полная неразбериха – столько вопросов, и все без ответа. Ладно, в конце концов, он нашел ее, ту самую девушку из его ночных видений. Его переполняло радостное недоумение. Свершилось чудо, в которое он никак не мог поверить.

Но вместе с тем он чувствовал, что за их встречей скрывается нечто большее.

Ей нравилась его мать. Его давным-давно умершая мать.

Он не имел ни малейшего представления о том, что бы это могло значить.

Лана шла следом за сестрой, а в ее голове стучала и стучала одна и та же мысль: он здесь... тот самый мужчина из ее сновидений.

Не странно ли?! Она так редко ошибалась в людях.

По сравнению с тем, кто являлся к ней во сне, он выглядел более сдержанным и чопорным, одевался не как настоящий шотландец, а как англичанин и говорил с резким английским акцентом.

А в ее мечтах он представлялся ей смелым шотландским воином, одетым в килт.

Героем, над которым нависла опасность.

Тем, кого она должна была спасти. И полюбить.

А он оказался герцогом. Уж кого-кого, а его точно не надо было спасать.

Да разве герцог заинтересуется такой девушкой, как она, незнатной и к тому же чудной.

Лана даже растерялась. Она не знала, как ей быть. Интуиция, которой она привыкла доверять, редко ее подводила.

«Чтобы не попасть впросак, не стоит торопиться с выводами», – рассудительно заметила она про себя и глубоко вздохнула. Если ангелы решат ее наградить, то ее мечты сбудутся, что бы там ни было. Скоро все должно проясниться. Не зря говорится, что всему свое время.

Одно было плохо. Ей никогда не хватало терпения.

Да, ей, вероятно, не следовало упоминать о его матери. Во всяком случае, не сейчас. Она опять поторопилась.

Вспомнив, как резко он переменился, когда она рассказала о встречах с душой его матери, Лана покачала головой. Сколько раз до этого она видела схожие гримасы на лицах людей!

С ее стороны было наивно полагать, что его реакция будет иной.

– С тобой все в порядке? – Ханна обняла сестру за талию при входе в холл замка.

- Конечно.
- Послушай, хватит спать на конюшне. Там можно простудиться.
- Но ведь сейчас лето на дворе, – рассмеялась Лана.
- Ну и что. У тебя прекрасная спальная, удобная постель. К чему такие крайности?
- Но собакам было так одиноко!
- Что за чепуха?! Они собаки, а не люди.

Лана тихо вздохнула. Ханна была ей ближе всех, но даже она плохо ее понимала. Никто ее не понимал. Но ведь они с Ханной вместе росли, и Ханна должна была бы запомнить, что многое она видит иначе, чувствует тоньше, не так, как другие люди. Впрочем, что тут говорить, проще было поменять тему.

- Итак, это и есть великий и ужасный герцог Кейтнесс?
- Вот именно, – фыркнула Ханна.
- Не того мы ожидали, правда?
- Ты еще не все знаешь.

Лана вопросительно посмотрела на кипевшую от негодования сестру. Ей стало ясно: стряслось что-то ужасное. Она ласково погладила Ханну по руке:

- Что случилось?

Ханна нагнулась к ее уху, громко и возмущенно зашептала:

– Едва приехав, его светлость сразу уединился с Александром. Они разговаривали очень долго.

- Насчет огораживаний?

Она попала точно в цель. Сестра удивилась ее проницательности, но ведь догадаться о содержании беседы герцога с Даннетом было совсем легко. Ради чего герцог приехал к ним в глушь, не ради же ее прекрасных глаз?

- Да. Александр выглядел очень расстроенным.
- Представляю.
- Он куда-то ушел, и я нигде не могу его найти.
- Не волнуйся, сестренка. Ничего с ним не случится.

Ханна стиснула руки:

– Ему сейчас необходима моя поддержка. Пойду поищу его. Ничего, если я тебя оставлю одну?

- Конечно, конечно. Ступай, обо мне не тревожься.

Ханна внимательно посмотрела на сестру.

- Тебе надо как следует поесть. А то еще зачахнешь с голоду.

Зачахнуть – нет, это ей точно не грозило. Хотя Лана действительно была голодна как волк.

- Уже иду. Заодно подумаю, что нам делать.

– Что делать? – не без горечи воскликнула Ханна. – Да ведь герцог поставил нам ультиматум.

– Да. – Лана задумчиво покачала головой. Положение казалось безвыходным, но, как ни странно, она верила, что на самом деле все не так уж и плохо.

Судьба не просто так свела ее с герцогом. Особенно если учесть те необычные сновидения. Не зря же он так часто являлся ей во сне? К тому же она была знакома с его матерью. И самое главное, в душе он был не таким, каким хотел выставить себя перед ними.

За всем этим скрывалось что-то большее. Но что именно, Лана пока не могла разгадать. Может быть, Лилиас, его мать, поможет ей разобраться...

Лана решила позавтракать на валу замка – это было ее самое любимое место, отсюда открывался прекрасный вид на море. Свежий ветер, кружащиеся над морской гладью чайки и полное одиночество – идеальные условия для размышлений, лучше не придумаешь.

Поведение герцога сбивало с толку. Лилиас не хотела ей помогать. Каждый раз, когда Лана спрашивала ее о сыне, о его прошлом или нынешних намерениях, дух Лилиас таял и исчезал. Призраки порой бывали очень капризными.

Но такой упорный отказ служил вполне ясным сигналом, говорившим, что в этом деле Лане придется разбираться самой, без чьей бы то ни было помощи. Ей было о чем подумать. Вопросов, не дававших ей покоя, накопилось немало.

Вдруг ее что-то потревожило. Ход мыслей прервало ощущение смутной опасности.

Лана почувствовала его присутствие прежде, чем увидела.

Насторожившись, она медленно обернулась. К ней приближался высокий мужчина в английском наряде и с неприятным, надменным лицом. Сразу было понятно, что он приехал вместе с герцогом, никто в замке не одевался так, как он. Мужчина внимательно смотрел на нее, но Лана намеренно не поворачивала голову в его сторону.

– Что ты тут подделываешь, красotka?

Лана поморщилась, словно от ложки с уксусом. Кошмар, его голос был под стать его лицу, плюс убийственный вульгарный акцент! Но наибольшее отвращение вызывала его вкрадчивость, и весь он был по-змеиному скользкий и гадкий. Лана нахмурилась:

– Вы кто?

– А ты кто? – Скабрёзно ухмыльнувшись, он склонился над ней.

Черт, он был слишком близко! Он не просто смотрел, он дышал ей прямо в лицо. Лана подавила желание вскочить и как можно быстрее уйти. Она не заробела, напротив, гордо вскинула голову, бросила на него презрительный взгляд.

Однако у незнакомца наглости было хоть отбавляй. Противно улыбаясь, он зажал пальцами ее длинный локон и как ни в чем ни бывало принялся им играть. Да как он посмел?! Лана вырвала локон из его руки, на что незнакомец похотливо рассмеялся.

– Какая симпатичная мордашка! Сколько огня! Ты горничная из замка?

Ей хорошо был знаком такой тип людей, обладающих властью и думающих, что им все позволено, что им доступна любая женщина, стоящая ниже их по положению. Она отодвинулась в сторону, бросив на него надменный взгляд.

– Я Лана Даунрей, дочь барона Магнуса Даунрея и сестра баронессы Даннет.

Но ни ее тон, ни знатность происхождения, похоже, не произвели на чужака никакого впечатления.

– Лана Даунрей, – презрительно хмыкнув, произнес он, – дочь барона Магнуса Даунрея и сестра баронессы Даннет, что вы тут делаете в полном одиночестве?

Не говоря ни слова, она выразительно посмотрела на свою тарелку.

– Жаль, очень жаль, такая малышка, и почему-то одна. – Он наклонился к ней. Слащавый голос звучал омерзительно, но его обладатель был еще омерзительнее.

Намерения незнакомца не вызывали никаких сомнений, и его поползновениям пора было положить конец. Лана встала, собираясь идти вниз во двор замка.

Но он грубо схватил ее за руку.

– Не торопись, красotka.

Он что, всерьез думает, что может указывать ей, что делать? С силой вырвав руку, она устремила к ведущей вниз галерее. Он не отставал.

Вот повезло! Как быть? Может, ударить его вилкой? Насилие – это был не ее стиль действий, но если он не отцепится, то другой защиты у нее просто нет.

Прежде чем Лана ступила на лестницу, грубиян опять схватил ее за руку и резким движением развернул к себе. Тарелка вылетела у нее из рук, но вилку Лана крепко держала в

кулаке. Она хладнокровно ударила его вилкой в грудь. Ее нападение нисколько не напугало незнакомца, он весело посмотрел на ее импровизированное оружие и рассмеялся:

– Настоящая дикарка.

Вот тут Лане стало страшно, и она закричала:

– Отпустите меня!

– Ни за что, моя прелесть.

Его голос, не говоря уже о намерениях, вызывал у нее одно лишь отвращение. Но головы Лана не потеряла, она искала выход. Грубо ее толкнув, мужчина прижал ее к каменной стене, а затем навалился на нее всем своим громадным телом. Сколь бы ужасными ни были его низкие намерения, еще ужаснее и омерзительнее было выражение его лица. Маска упала, и теперь со всей жуткой отчетливостью стала видна его подлая, коварная натура.

Ее тошнило от него, а он еще лез целоваться. Незнакомец сжимал ее так сильно, что Лана опасалась, как бы у нее не остались синяки.

– Я научу тебя быть вежливой, – рычал он, стараясь своим слюнявым ртом поймать ее губы. – Я важное лицо, запомни.

– Отпусти меня! – Нет, она не молила, она требовала.

Он похотливо рассмеялся:

– С чего бы, моя прелесть? Хочешь еще разок ударить меня вилкой?

И Лана ударила. Это его удивило и разозлило одновременно. Он еще крепче прижал ее к себе.

– Мир меняется, малышка, а ты ничего не замечаешь. Ни твой отец, ни твой зять, никто тебя не защитит. Лучше смирись. Я не бросаю слов на ветер.

Никогда и ни за что на свете!

Насильник явно вознамерился снова ее поцеловать. Ну и негодяй! Похоже, он надолго отобьет у нее желание целоваться с кем бы то ни было. Пытаясь вырваться, Лана рванулась, что было сил.

– Дугал! – раздался вдруг чей-то резкий повелительный окрик.

Негодяй тут же оглянулся. Лана перевела дыхание и взглянула в ту же сторону. К ее радости, к ним шел сам герцог, мрачный и грозный, как туча.

За серьезным и строгим выражением его лица как будто угадывалось нечто большее. Словно сквозь шелуху условностей английского высшего света проступили смутные очертания настоящего воина-шотландца, или ей это показалось? Нет, нет, гневное лицо, огонь в глазах, жесткая суровая складка в углах губ – все в точности соответствовало образу героя, который являлся перед ней во сне. Лану охватила дрожь.

Герцог уперся руками в бока, чуть наклонился вперед и буквально пригвоздил незнакомца к стене пронзительным взглядом.

– Черт, что ты себе позволяешь?

Дугал растерялся, и Лана, воспользовавшись удобным моментом, тут же выскользнула из его ослабевших объятий.

Дугал нахально улыбнулся:

– Пытался сорвать поцелуй. Ничего особенного.

Однако напряженная поза девушки, как и вилка, зажатая в ее руке, изобличали негодяя лучше всяких слов. Все заметивший и все понявший, Лахлан недовольно дернул щекой.

– Дугал, мы здесь в гостях, не забывай об этом.

Глупо хихикнув, Дугал изобразил вежливую улыбку:

– Это была всего лишь шутка.

Он тут же метнул на девушку строгий предупреждающий взгляд, как бы говоривший: лучше держи язык за зубами. Черт, этот негодяй не только лгал, но еще и угрожал ей! Нет, ему не удастся ее запугать.

– Держите свои грязные руки подальше от меня, – отрезала она и, повернувшись, побежала вниз, в сторону кухни и служебных помещений замка.

Пока Лана шла, она клялась про себя: теперь и впредь до отъезда герцога и его слуги из замка нужно постоянно носить с собой кинжал, а еще – лучше постараться никогда не оставаться наедине ни с одним из них.

Лахлан едва сдерживал раздражение. Удивительно, но вид девушки в объятиях Дугала разозлил его до крайности, и только тогда, когда он по ее сердитому виду понял, как ей это противно, он вдруг успокоился. Теперь весь его гнев устремился на Дугала. Ему хотелось порвать его на части.

При одном воспоминании об увиденном он опять приходил в бешенство. В его жилах начинала кипеть кровь. Он твердил про себя: «она моя» – и тут же готов был горько рассмеяться. Она не принадлежала ему и никогда не будет принадлежать.

Чертов Дугал! Он хорошо знал кузена, а также его слабость к женскому полу. Он знал, каким наглым и грубым он мог быть. Ну что ж, если сам Лахлан не мог быть с Ланой, то жестокий и наглый Дугал точно никак не подходил для этой нежной девушки.

– Держись подальше от Ланы Даунрей, – посоветовал кузену Лахлан, но его совет прозвучал резко, как приказ.

Дугал вопросительно посмотрел на герцога. В его глазах мелькнула затаенная неприязнь, но ее сразу прикрыла наигранная улыбка.

– Вы не говорили, что присмотрели ее для себя.

– Дело не в этом.

Но дело было как раз в этом. И ни в чем другом.

– Мы здесь в гостях. Мне не нужны неприятности... как было с той неприглядной историей.

Лицо Дугала сразу искривилось, по-видимому, он вспомнил ту историю, на которую намекнул Лахлан. Она случилась на званом вечере в доме лорда Уинтерза. Тогда Дугал уверял всех, что девушка сама его хотела, хотя она со слезами на глазах утверждала обратное. Лахлан сделал вид, что больше верит своему кузену, но вместе с тем решил заплатить пострадавшей, причем выплачивал ей пособие до сих пор. Его все еще мучили угрызения совести, он не знал, правильно ли поступил, встав на сторону родственника.

Если бы такой некрасивый поступок совершил не его кузен, а посторонний человек, Лахлан, не задумываясь, порвал бы с ним все отношения. Но соображения о чести семьи заглушили голос совести, кроме того, он полагал, что Дугал извлек нужный урок из данного происшествия и впредь будет вести себя благоразумнее.

Похоже, он ошибался.

Если распоясавшийся Дугал опять примется за старое, придется как следует дать ему по рукам. Шутить со свояченицей Даннета было крайне опасно. Деньгами здесь не откупишься. Здесь придется платить кровью.

– Послушай, ничего подобного я больше не потерплю. – Лахлан начинал сердиться.

– Не понимаю, почему вы так на меня взъелись, – не хотел уступать раздосадованный Дугал.

– Ах, ты не понимаешь? Мне надо заручиться поддержкой Даннета.

Дугал фыркнул:

– Но он же не хочет идти вам навстречу.

Да, Даннет отказался наотрез. Однако Лахлан надеялся, что он, осознав все выгоды его предложения, одумается. Кроме того, у него не было выбора – либо согласиться, либо все потерять.

Однако сильнее всего Лахлана раздражала самоуверенность Дугала. Его откровенные, почти издевательские насмешки, под которыми угадывалось неуважение. Теперь Лахлан особенно тонко улавливал настроение Дугала и понимал, что кузен не воспринимает его как герцога.

– Согласится ли Даннет или не согласится, мне все равно, но я герцог, и мой долг защищать моих подданных. Я не потерплю твоих штучек. Не приставай к женщинам.

– Я не приставал к ней, – все с той же нехорошей, самодовольной улыбкой усмехнулся Дугал. – Она сама этого захотела.

Лахлан похолодел от гнева. Все было не так. Совсем не так. Он пришел в ужас. Оказывается, Дугал мог лгать ему прямо в глаза. Но еще хуже было то, что его кузен заврался до того, что считал свою ложь правдой. Его ударили в грудь вилкой, и если бы не скрытый защитный нагрудник, все было бы намного печальнее.

– Все выглядело совсем не так, как ты утверждаешь. По-моему, она была от тебя не в восторге.

– Чепуха.

Лахлан постепенно накалялся от гнева, еще немного и он, не выдержав такого наглого вранья, мог наговорить резкостей.

– Я не хочу, чтобы ты подрывал мой авторитет.

Прищурившись, Дугал внимательно посмотрел на покрасневшего как рак Лахлана, затем опустил взгляд на его сжатые в кулаки руки. Опомнившись, Дугал вернулся к роли заботливого родственника:

– Хорошо ли вы себя чувствуете, ваша светлость?

– Отвратительно. Хуже некуда, – рявкнул Лахлан, его накипевшая злость искала выхода.

– Может, нам пора пройти в ваши комнаты?

– Зачем?

– У вас очень утомленный вид. Наверное, вам надо принять ваше лекарство.

Лахлан, не скрывая отвращения, посмотрел на кузена. Лекарство надоело ему до смерти, точно так же, как и сам кузен. Лекарство не помогало. Ничто не могло ему помочь. Только одно-единственное за многие годы воспоминание успокоило его так, как не смогло сделать ни одно из принимаемых им лекарств, – он вспомнил, как любовался лицом Ланы Даунрей и ее синими глазами...

Нет, пора было остановиться и перестать о ней думать. Если только это было возможно.

– Никаких лекарств, Дугал. Не надо так неловко уклоняться от нашего разговора. Держись подальше от Ланы Даунрей. Заруби это себе на носу. Иначе ты горько пожалеешь, – угрожающе прорычал он.

Выплеснув злость на кузена, Лахлан резко повернулся и пошел прочь, желая только одного – как можно дольше не видеть маслянистой от фальшивой заботы физиономии кузена.

Глава 5

Как нельзя лучше ему подходила... библиотека. Тишина, как и сами книги, несколько не привлекала Дугала.

Как это ни удивительно, но меньше всего Лахлан ожидал там встретить Лану Даунрей. Забравшись с ногами в большое кресло, она читала какую-то книгу. Но еще удивительнее было увидеть в ее руке кинжал. Заметив его, она вся напряглась, невольно сжав рукоятку кинжала. Лахлану стало горько и обидно, он вызывал у нее опасения или даже страх, а ему совсем не хотелось, чтобы она его боялась.

Было в этой девушке что-то трогательное и волнующее, нечто такое, что пробуждало в нем новые, свежие чувства.

Несомненно, она ему нравилась, возможно, его влекла к ней страсть, но что бы это ни было, он намеренно гасил в себе подобные чувства. В его положении они не имели смысла. Но, кроме страсти, им двигало любопытство. Кем она была... для него? Почему переходила из одного сна в другой? Почему она появилась в его жизни именно сейчас? Можно сказать, почти перед его кончиной?

Это казалось несправедливым. Если бы они встретились раньше, то, возможно, его жизнь сложилась бы иначе. Ему понравилась мысль об их общем будущем.

Ночь. Свидание. Поцелуй. А дальше...

Черт, что за нелепые фантазии?!

Выбросив глупости из головы, Лахлан сосредоточился на том, что сейчас его волновало больше всего. Лана говорила, что знакома с его умершей матерью.

Раньше он считал бы ее помешанной, ненормальной, той, самым подходящим местом для кого является больница для душевнобольных. Но теперь, после того как его самого стали мучить ночные кошмары, Лахлан не знал, как быть.

Ему хотелось о многом расспросить мать, прошлое хранило тайны, которые всю жизнь не давали ему покоя. Мысль, что наконец-то он сможет все узнать, взволновала Лахлана. Помимо того, Лана Даунрей могла ему помочь разобраться и в другом не менее важном деле, раз уж она была способна общаться с духами, а в это Лахлан уже как-то незаметно для себя поверил. Как знать, возможно, она сумеет поговорить с теми привидениями, которые навещают его почти каждую ночь? И, что еще более важно, не удастся ли ей отогнать их прочь?

Как было бы хорошо немного передохнуть от кошмаров и насладиться душевным спокойствием хотя бы теперь, незадолго до предсказанной кончины...

Руководствуясь своими соображениями, Лахлан решил остаться в библиотеке. Не обращая внимания на ее недовольный вид, он вежливо поклонился и поздоровался:

– Мисс Даунрей.

– Ваша светлость.

Ее синие глаза потемнели, брови сдвинулись, по всему было видно, что она совсем не рада его вторжению. Однако Лахлан сделал вид, что ничего не замечает.

Лана опять принялась за чтение. Она не скрывала своей неприязни, и это больно задело Лахлана.

Ему совершенно ясно и абсолютно невежливо дали понять, что он здесь лишний. Следовало бы уйти, но Лахлан не мог так просто уступить. Во-первых, ему было интересно узнать, кто она на самом деле, несчастная сумасшедшая или наделенная удивительными способностями провидица. Во-вторых, к его удивлению, рядом с ней ему было так хорошо, так покойно, что никуда не хотелось уходить.

С делано равнодушным видом он сел в кресло неподалеку от нее. Она притворилась, что ей тоже как бы все равно. Однако и по ее лицу, и по тому, как бегали ее глаза по странице книги, было заметно, что его присутствие ее раздражает.

А ему было невыразимо приятно сидеть в тихой библиотеке и просто смотреть на ее милое, нежное лицо. И даже немного забавно было наблюдать за тем, как она тщетно пытается притвориться, что увлечена чтением. Ее непосредственность, искренность и свежесть чувств, а также полное отсутствие жеманства – все вместе взятое очень ему импонировало.

Она нисколько не походила на тихую, робкую мышку, каких было немало в Лондоне, напротив, в ней чувствовались твердость и сила воли, она могла быть яростной, смелой, готовой в любую минуту прийти на помощь своему избраннику. Английские леди не имели ни капли подобной смелости. Возможно, поэтому он так и не женился в Лондоне, а может быть, он действительно в глубине души был шотландцем...

– Ваша светлость, – прервал его размышления голос девушки.

Оставив чтение, она смотрела ему прямо в лицо, и это было чрезвычайно приятно.

– Да? – Голос Лахлана звучал по-светски учтиво и любезно, как это было принято в лондонских гостиных.

Однако его вежливый тон не понравился девушке. Она наморщила нос и довольно резко спросила:

– Вы что-нибудь хотите?

Да, он хотел. И не что-нибудь, а очень многого, и это уже не были ответы на вопросы, которые он только что собирался задать по поводу его матери.

Ему хотелось поцеловать ее в очаровательно вздернутый нос – это было бы восхитительно. А затем целовать ее дальше...

– Вы уставились на меня и довольно долго смотрите, не отводя глаз.

– Не отводя глаз? Прошу извинить меня. – Но в его голосе не было слышно никакого раскаяния.

– Хорошо. – Лана нахмурилась. – Тем не менее мне это очень мешает. Может, вы все-таки что-то хотите?

– А-а, да. Вы угадали.

Она удивленно выгнула бровь и замерла в ожидании, но Лахлан явно не торопился.

– Что именно? – резко бросила она.

Он открыл было рот и, сам не зная отчего, растерялся. Настал удобный момент, от него ждали объяснений, а он, к собственному удивлению, не мог никак собраться с мыслями. Возможно, его растерянность была вызвана серьезными опасениями услышать нечто такое, что ему могло не понравиться. Он не был трусом, но при мысли, что сейчас она скажет ему нелюбимую правду, его взяла оторопь.

«Неужели она, то есть моя мать, покончила с собой, нисколько не думая обо мне? Неужели она меня не любила? Неужели она не хотела иметь детей?»

Решив немного потянуть время, то ли от малодушия, то ли от растерянности, он кашлянул и одернул вниз жилет.

– Прежде всего мне хотелось бы принести извинения за Дугала.

Лана покраснела от раздражения:

– Какой еще Дугал?

– Мой слуга. Он был с вами крайне невежлив.

– И это еще мягко сказано. – Ее пальцы сжали кинжал.

– Хочу вас заверить, я огорчен не меньше, чем вы.

По его лицу пробежала тень неудовольствия. Его действительно крайне разозлило поведение кузена, и эту злость он с трудом сдерживал. Лана внимательно посмотрела ему в лицо, и ее глаза слегка раскрылись – не от удивления ли?!

– Я посоветовала ему держаться от меня подальше.

– Очень хорошо вас понимаю. Если у вас возникнут осложнения, без колебаний обращайтесь ко мне.

В этот миг Лахлану больше всего на свете хотелось быть ее единственным защитником, к помощи которого она бы обращалась в случае опасности или какой-нибудь необходимости. Быть мужчиной, который оберегал бы ее...

Но тут ход его приятных мыслей прервал ее смех. Она звонко смеялась, что было очень обидно.

– Мисс Даунрей? – Он вопросительно посмотрел на нее.

– Если у меня возникнут осложнения, на которые вы намекаете, то я обязательно обращусь к вам...

Лахлан обрадовался и уже открыл было рот, чтобы поблагодарить, как она продолжила:

– ...с вопросом, как вы собираетесь хоронить его тело.

О черт! Лахлан с открытым от удивления ртом смотрел на эту изящную хрупкую крошку с такими грациозными плавными движениями, в душе которой было столько ярости и жестокости.

– Хоронить... его тело? – пробормотал он.

– Но ведь он ваш кузен, не так ли?

– Да, верно.

– Как это ни печально, но тогда именно вам придется заняться его похоронами. – Глядя на его лицо, на котором сменяли друг друга недоверчивость и неуверенность, она решительно произнесла: – Кроме вас, некому.

– Мне... а-а... вы говорите... что убьете его, если он опять станет к вам приставать?

– Я зарежу его, как цыпленка.

Это было сказано нежным голосом и с ангельской улыбкой на лице, но в том, что она сдержит обещание, у Лахлана не было никаких сомнений.

Он отметил про себя, что надо будет предупредить Дугала. Хотя его кузен вызывал раздражение и порой даже приступы гнева, но как-то не хотелось, чтобы его зарезали, как цыпленка. Тогда возникнет столько осложнений, их надо будет улаживать, а ему это надо?

Несмотря на озабоченность, Лахлан вдруг, сам того не желая, улыбнулся. Как же он удивился, когда увидел похожую улыбку на губах Ланы!

– Здесь, в Шотландии, все иначе, – усмехнулся он.

– И как давно вы это поняли? – Она иронично приподняла брови.

– Нрав здешних женщин, как я погляжу, слишком горячий и даже жестокий.

– Точно так же, как и нрав их мужчин, – сухо заметила Лана. Ее взгляд упал на его галстук. – Но каким бы он ни был, никто здесь не будет так одеваться.

Последние слова она произнесла едва слышно, почти пробормотала их себе под нос, Лахлан разобрал их с трудом. Но нет, нет, он не ослышался.

Лахлан посмотрел вниз, на математическую строгость линий его галстука, и едва не поморщился.

– Мне самому не очень нравятся галстуки.

– Но почему тогда вы их носите?

Он пожал плечами:

– Я ведь герцог. Положение обязывает.

– Ну и что? Где ваша смелость?! Зачем идти на поводу у всех? – удивилась Лана.

Лахлан инстинктивно отодвинулся назад, его поразила ее энергия и страстная убежденность. Внезапно ему захотелось выглядеть в ее глазах именно так, как должен выглядеть мужчина согласно ее представлениям.

– И как же, по вашему мнению, должен одеваться мужчина?

Лана окинула внимательным взглядом его широкоплечую стройную фигуру:

– Думаю, килт вам будет очень к лицу.

В ее голосе прозвучало столько искренней убежденности, столько веры в него, что ему ужасно захотелось изменить свой облик, чтобы ей понравиться. Он должен оправдать ее надежды. От одной мысли, для чего он все это делает, его бросило в жар.

Боже, он столько лет учился сдерживать свои чувства! И в конце концов он научился над ними властвовать. Но сейчас, забыв обо всем, он сторал от желания схватить ее, обнять, прижать к себе и целовать, целовать, целовать.

Но тут его взгляд упал на кинжал в ее руке.

Нет, спешить тут не следовало.

– Когда-нибудь я впервые его надену, хотя бы для того, чтобы угодить вам.

– Неужели вы никогда не носили килт? – искренне удивилась Лана.

– Нет, не носил. – Лахлан откашлялся. – По правде говоря, в лондонских гостиных на все шотландское смотрят косо.

Ему было стыдно признаваться, что любой второстепенный английский баронет чувствует себя по положению выше шотландского герцога.

– Боже, вы говорите, как англичанин! – Девушка поморщилась, словно услышав что-то неприличное.

– В делах, как и в политике, крайне важно выглядеть подобающим образом.

Лахлан немало поработал над созданием соответствующего образа; несколько лет постигал то, каким должен быть настоящий английский лорд. К сожалению, теперь, когда он добился неплохих результатов, он почему-то был не очень рад своим успехам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.